

СТИВЕН КИНГ

СИЯНИЕ

Stephen King THE SHINING

Редактором этой моей книги, как и двух предыдущих, был мистер Уильям Дж. Томпсон — человек остроумный и здравомыслящий. В создание этого романа он внес немалый вклад, за что я ему признателен.

С.К.

Некоторые из лучших курортных отелей мира расположены в горах штата Колорадо, но гостиница, описанная на этих страницах, не имеет с ними ничего общего. Отель «Юверлук», как и связанные с ним персонажи, существует исключительно в воображении автора.

В этой же зале стояли... огромные часы из черного дерева. Маятник качался взад и вперед с глухим, унылым, однообразным звуком, а... часы начинали бить, из медных легких машины вылетал чистый, громкий звук, необыкновенно певучий, но такой странный и сильный, что музыканты в оркестре останавливались, танцоры прекращали танец; смущение овладевало веселой компанией и, пока раздавался бой, самые беспечные бледнели, а старейшие и благоразумнейшие проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль или грезу. Но бой замолкал, и веселье снова охватывало всех. Музыканты переглядывались с улыбкой, как бы сами смеясь над своей глупой тревогой, и шепотом обещали друг другу, что следующий бой не произведет на них такого впечатления. И снова, по прошествии шестидесяти минут... раздавался бой часов, и снова смущение, дрожь и задумчивость овладевали собранием.

При всем том праздник казался веселым и великолепным...

Э.А. По. Маска красной смерти[\[1\]](#)

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Солнце насильно сиять не заставишь.

Народная мудрость

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Как мне представляется, в творчестве любого писателя — обычно на достаточно раннем этапе — возникает «роман-перепутье», когда автору предоставляется выбор: либо продолжать делать то, что он уже с успехом делал прежде, либо попытаться поставить перед собой чуть более высокую цель. Но только оглянувшись назад через многие годы, начинаешь понимать, насколько важно было для тебя принять тогда верное решение. Ведь порой подобный момент случается в твоей карьере всего лишь однажды. Для меня такой книгой стал роман «Сияние», в котором я решил поднять свою планку на новую высоту. Я даже помню конкретное место в тексте, поставившее меня перед нелегкой альтернативой: это случилось, когда я описывал, как Джек Торранс, исполненный противоречий главный отрицательный персонаж «Сияния», вспоминает о своем отце — грубом пьянице, который вершил над сыном духовное, физическое и эмоциональное насилие... Иными словами, уродовал его личность всеми возможными способами.

С одной стороны, я мог описать жестокость отца Джека и этим ограничиться. Само собой, думал я, читатель легко увидит связь между отношениями Джека со своим отцом в прошлом и собственным отношением к своему сыну Дэнни, мальчику-экстрасенсу, который, разумеется, является центральной фигурой романа.

Но в то же время что-то подталкивало меня пойти глубже — признать, что Джек все-таки любил отца, вопреки (а может быть, как раз **благодаря**) его непредсказуемой и жестокой натуре. И я прислушался к своему внутреннему голосу, что принципиально изменило в романе очень многое. Вместо героя, постепенно превращавшегося из сравнительно приличного человека в несколько плоскую фигуру злодея, которого сверхъестественные силы толкают на убийство жены и сына, Джек Торранс приобрел более реальные (а значит, и существенно более страшные) черты. Как мне показалось, убийца с чисто мистическими мотивами для преступлений перестает быть пугающим, стоит только читателю преодолеть поверхностный страх, в который его может повергнуть любая мало-

мальски стоящая история о привидениях. А вот убийца, движимый пережитым в детстве насилием над собой **наряду** с призрачными силами... О, вот это может по-настоящему задеть за живое. Более того, такой поворот сюжета позволял мне окончательно размыть грань между областями сверхъестественного и экстрасенсорного, заставить читателя сопереживать и желать: «Я надеюсь, это только сон», — то есть превратить просто страшное в поистине ужасающее. Во время моей единственной встречи с ныне покойным Стенли Кубриком, примерно за шесть месяцев до того, как он начал работать над своей киноверсией «Сияния», я понял, что именно эта грань рассказанной мной истории главным образом привлекла его внимание. Что именно заставляет Джека Торранса совершать преступления в номерах и коридорах отеля «Оверлук», отрезанных от всего мира снежными заносами? Призраки не умерших окончательно людей — или же не умирающие в нем до конца воспоминания? Мистер Кубрик и я пришли к разным выводам по этому поводу (я **всегда** считал, что это злые привидения «Оверлука» подводят Джека к краю пропасти), хотя вполне возможно, что наши выводы в чем-то были близки. Разве воспоминания — не единственно реальные призраки в наших жизнях? Разве не заставляют они нас порой произносить слова и совершать поступки, о которых потом приходится сожалеть?

Принятое мной решение постараться изобразить отца Джека человеком из плоти и крови, которого неприкаянный сын не только ненавидел, но и любил, впоследствии помогло мне пройти долгий путь к моим нынешним взглядам на жанр, так легко и пренебрежительно именуемый «ужасником». Я убежден в необходимости подобных историй, потому что мы подчас нуждаемся в создании вымышленных чудовищ и монстров в качестве суррогатов-заменителей всего, чего мы так боимся в наших реальных жизнях: отца, который не целует свое дитя, а бьет; автокатастрофы, способной унести жизнь близкого человека; рака, незаметно поселяющегося в наших телах. И если бы все эти ужасные вещи были следствием воздействия неких сил тьмы, то, как мне кажется, нам было бы даже легче смириться с ними. Но они не остаются во мраке, а обладают собственным своеобразным жутким блеском, и ничто не блестит ярче, чем акты насилия и жестокости, которые мы порой совершаем в собственных семьях. Всмотреться в этот варварский блеск — подчас значит ослепнуть, и потому мы создаем для себя защитные фильтры. Фильмы и романы ужасов, как и страшные сказки, — это именно такие фильтры. Мужчины и женщины, которые настаивают, что привидений не существует, всего-

навсего не умеют прислушиваться к смутным шепотам в своей душе, и как же они жестоки! Ведь даже самый злонамеренный призрак — существо очень одинокое, брошенное во тьме, отчаянно желающее быть услышанным.

Но разумеется, ничего подобного не приходило мне в голову в осознанной или хотя бы полусознанной форме, когда я писал «Сияние», сидя в своем маленьком кабинете с видом на Флатироны; мне нужно было создать роман и выполнять ежедневную норму в 3000 слов (сейчас, на шестом десятке, я радуюсь, если удастся выдать 1800). Тогда я увидел лишь появившийся у меня выбор: сделать из отца маленького Дэнни в чистом виде плохого парня (что мне удалось бы с закрытыми глазами) или же попытаться создать характер более сложный и неоднозначный — такие еще называют более реалистичными.

И, признаться, не будь я к тому времени до некоторой степени финансово обеспечен, одно только это могло склонить меня к более легкому варианту. Однако мои первые две книги — «Кэрри» и «Жребий Салема» — имели успех, и мы, семейство Кингов, чувствовали себя в этом смысле уверенно. Вот почему мне не захотелось пойти по пути наименьшего сопротивления, когда я чувствовал, что могу поднять роман на значительно более высокий уровень эмоционального накала, сделав из Джека Торранса живого человека, а не двухмерного «злодея из “Оверлука”».

Результат получился далеким от идеала, и местами в тексте «Сияния» сквозит нахальная авторская самонадеянность, которую я начал замечать лишь многие годы спустя. Но все же я очень люблю эту книгу и ценю ее за то, что именно она поставила меня перед столь важным выбором: остаться на уровне не слишком правдоподобных ужасов «комнаты страха», что есть в любом развлекательном парке, или ступить на гораздо более скользкую тропу, где между строк фантазии порой проглядывает опасная истина. По крайней мере так происходит в наиболее удачных произведениях жанра. И истина эта заключается в том, что монстры и призраки действительно существуют. Они обитают внутри нас, и порой именно они одерживают верх.

А тот факт, что иной раз — точнее, очень часто! — вопреки всем, препятствиям в нас побеждают не они, а наши добрые ангелы, можно считать еще одной жизненной истиной в романе «Сияние». Й слава Богу,

что так происходит на самом деле.

Стивен Кинг Нью-Йорк, 8 февраля 2001 г.

Часть первая

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1

СОБЕСЕДОВАНИЕ

Вот ведь надутый недомерок/— подумал Джек Торранс.

В Уллмане было пять футов пять дюймов роста, и двигался он с порывистой стремительностью, которая почти всегда свойственна низкорослым и пухлым мужчинам. Волосы на его голове разделял безукоризненный пробор, а темный костюм выглядел строгим, но удобным. **Я помогу вам решить любые проблемш,** заверял костюм состоятельных постояльцев. С подчиненными из обслуживающего персонала он говорил иначе: **Эй, ты! Работай на совесть, а не то...** Красная гвоздика в петлице, вероятно, торчала там для того, чтобы никто не спутал Стюарта Уллмана с владельцем местного похоронного бюро.

Слушая Уллмана, Джек вынужден был признать себе, что в данных обстоятельствах ему бы не понравился ни один человек, кого ни посади по другую сторону стола.

Между тем Уллман задал ему вопрос, смысл которого он не успел уловить. Это плохо. Уллман явно был из тех, кто отмечает подобные промахи и заносит в свою мысленную картотеку, чтобы позже припомнить.

— Простите, о чем вы спросили?

— Я спросил, вполне ли ваша жена осознает, что вас здесь ожидает? И еще ваш сын. — Он бросил взгляд на лежавшую перед ним анкету. — Дэниел. Вашу супругу насколько не смущает подобная перспектива?

— Уэнди — необыкновенная женщина.

— И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек расплылся в своей самой широкой улыбке, которую всегда пускал в ход, если хотел обаять собеседника.

— Да, нам бы хотелось так думать. Для пятилетнего мальчика он вполне самостоятелен.

Ответной улыбки от Уллмана он не дождался. Тот лишь сунул заявление и анкету Джека обратно в папку. А папка перекочевала внутрь стола, поверхность которого теперь почти опустела, если не считать тетради для записей, телефона, лампы на шарнирной стойке и двух лотков, помеченных словами «Входящие» и «Исходящие». Причем оба тоже были пусты.

Уллман встал и подошел к стоявшему в углу шкафу для документов.

— Не могли бы вы обойти стол с моей стороны, мистер Торранс? Мы вместе посмотрим планировку этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и расстелил их на полированной ореховой столешнице. Джек встал с ним плечом к плечу и уловил резкий запах одеколона, исходивший от Уллмана.

Все мужнины моего склада пользуются либо «Инглиш лэзер», либо вообще ничем, почему-то подумал он, и ему пришлось чуть прикусить язык, чтобы сдержать невольный смешок. Сквозь стену доносился слабый шум кухни отеля «Оверлук», где шли приготовления к обеду.

— Верхний этаж, — пустился в энергичные объяснения Уллман. — Это чердак. Там нет абсолютно ничего, кроме старого хлама. Со времен Второй мировой войны «Оверлук» сменил нескольких владельцев, и такое впечатление, что каждый из управляющих сваливал туда всю ненужную ему рухлядь. Я хочу, чтобы там расставили крысоловки и разбросали отраву. Некоторые горничные с четвертого этажа жаловались на шуршание сверху. Я ни на секунду не допускаю такой мысли, но следует исключить малейшую вероятность, что в отеле «Оверлук» могла завестись хотя бы одна крыса.

Джеку, который подозревал, что в любой гостинице мира непременно обитает хотя бы пара-другая крыс, пришлось снова придержать язык.

— И разумеется, вы ни при каких обстоятельствах не должны позволять

своему сыну забираться на чердак.

— Само собой. — Джек сверкнул парадной улыбкой. Унизительная ситуация. Неужели этот напыщенный маленький хмырь считает, что он мог бы разрешить своему сыну дурачиться на чердаке среди ловушек для крыс, обломков старой мебели и бог знает чего еще?

Уллман убрал план чердачного этажа и сунул его в самый низ кипы листов.

— «Оверлук» располагает ста десятью помещениями для постояльцев, — продолжил он тоном лектора. — Тридцать из них, и все это — апартаменты, находятся здесь, на четвертом этаже. Десять в западном крыле (включая президентский люкс), десять по центру здания и еще десять в левом крыле. Отовсюду открываются великолепные виды.

Неужели нельзя обойтись без рекламы?

Но Джек промолчал. Ему очень нужна была эта работа.

Уллман переложил план четвертого этажа вниз, и они изучили схему третьего.

— Сорок номеров, — сказал Уллман. — Тридцать двухместных и десять одноместных. На втором этаже у нас по двадцать номеров каждой из этих категорий. В придачу к этому на всех этажах имеются по три стенных шкафа для постельного белья, а две большие кладовки расположены в самом дальнем конце восточного крыла второго этажа и в западной оконечности первого. Вопросы есть?

Джек помотал головой. Уллман мгновенно убрал планы третьего и второго этажей.

— Так. Теперь первый этаж. Начнем с вестибюля. Вот здесь, в центре, — стойка регистрации. Позади нее расположены служебные кабинеты. Холл простирается от стойки на восемьдесят футов в каждом направлении. Здесь, в западном крыле, находятся ресторан «Оверлук» и «Колорадо-ходл». Банкетный и бальный зал — в противоположном, восточном крыле. Вопросы есть?

— Только относительно подвала, — сказал Джек. — Ведь для зимнего

смотрителя это самый важный этаж. Его основное рабочее место, если можно так выразиться.

— Там вам все покажет Уотсон. План подвала висит на стене в котельной. — Уллман снова приосанился, сдвинул брови, вероятно, желая всем своим видом показать, что как управляющий не нисходит до таких прозаических деталей жизни отеля, как отопление, водопровод или канализация. — Кстати, неплохо было бы поставить несколько ловушек для крыс и внизу. Одну минутку...

Он нацарапал несколько слов в блокнотике, который достал из внутреннего кармана пиджака (поверх каждой странички жирным шрифтом значилось: **От Стюарта Уломана, главногоуправляющего**), вырвал записку и положил в лоток «Исходящие». Она легла на дно в тоскливом одиночестве. А блокнот снова исчез в кармане, словно знаменуя финал фокуса. Видишь, малыш Джеки, вот он был, а вот его нет. Ну и тип!

Затем они вернулись на исходные позиции. Уллман уселся за свой стол, а Джек пристроился напротив. Тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Кандидат в работники и несговорчивый начальник. Уллман сложил свои опрятные ручки поверх тетради и посмотрел на Джека в упор — миниатюрный лысеющий мужчина в костюме банкира, с неброским серым галстуком. Цветок в петлице уравнивала приколотая к лацкану прямоугольная табличка. «СОТРУДНИК ОТЕЛЯ», — сообщали четкие золотые буквы.

— Буду с вами предельно откровенен, мистер Торранс. Альберт Шокли — влиятельный человек и один из совладельцев отеля «Оверлук», принесшего в этом сезоне прибыль впервые за всю свою историю. Мистер Шокли также заседает в нашем совете директоров, но ничего не смыслит в гостиничном бизнесе и сам готов первым признать это. Однако в том, что касается найма зимнего смотрителя, он высказал свое пожелание совершенно недвусмысленно. Он хочет, чтобы эту работу получили вы. И я выполню его пожелание. Но если бы в данном вопросе мне предоставили свободу выбора, я бы вас не взял.

Джек держал руки крепко сцепленными на коленях, потирая взмокшие от пота ладони. **Напыщенный маленький хмырь, напыщенный маленький хмырь, напыщенный...**

— Как мне показалось, мистер Торранс, я вам не слишком симпатичен. Но мне это безразлично. И уж конечно, те чувства, которые я у вас вызываю, нисколько не влияют на мою уверенность, что вы не годитесь для этой работы. В разгар сезона, который продолжается с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, в «Оверлуке» трудятся сто десять человек, то есть, можно сказать, по одному работнику на каждый номер отеля. И я не думаю, что нравлюсь многим из них, а кое-кто, как я подозреваю, считает меня в некотором роде сволочью. Это вполне справедливо. Мне действительно приходится быть до известной степени мерзавцем, чтобы управлять этим отелем так, как он того заслуживает.

Он посмотрел на Джека, ожидая ответной реплики, но Джек лишь вновь просиял своей фирменной улыбкой. Широкой и почти оскорбительно белозубой.

Уллман продолжал:

— «Оверлук» был построен в тысяча девятьсот седьмом — тысяча девятьсот девятом годах. Ближайший город, Сайдуайн-дер, расположен в сорока милях к востоку, и дороги к нему закрыты примерно с конца октября до начала апреля. Возвел отель человек по имени Роберт Таунли Уотсон — дед нашего нынешнего главного механика. Здесь останавливались Вандербильты, Рокфеллеры, Асторы и Дюпоны. Президентский люкс в свое время занимали четыре президента США. Вильсон, Гардинг, Рузвельт и Никсон.

— Ну, Гардингом и Никсоном я бы хвалиться не стал, — пробормотал Джек.

Уллман нахмурился, но продолжил:

— Для мистера Уотсона «Оверлук» оказался непосильным бременем, и в тысяча девятьсот пятнадцатом году он его продал. Отель снова сменил владельцев в тысяча девятьсот двадцать втором, двадцать девятом и тридцать шестом годах. Затем до окончания Второй мировой войны он стоял без дела, пока его не купил Хорас Дервент — миллионер, изобретатель, летчик, кинопродюсер и предприниматель. Он также провел полную реконструкцию.

— Имя мне знакомо, — заметил Джек.

— Еще бы! Все, к чему прикасался этот человек, казалось, туг же превращалось в золото... Но только не «Оверлук». Дервент превратил устаревшую развалюху в образцовое заведение, вложив в отель миллион долларов еще до того, как порог переступил первый послевоенный постоялец. Именно Дервент распорядился устроить корт для роке, который, как я заметил, произвел на вас некоторое впечатление.

— Роке?

— Британская игра, предшественница крокета, мистер Торранс. Крокет — это всего лишь уродливая версия роке. Как гласит легенда, Дервента научил играть его секретарь по вопросам светского протокола, и Дервент очень полюбил роке. Вполне вероятно, что наш корт стал самым первым в Америке.

— Не сомневаюсь, — с угрюмым видом сказал Джек. Ро-ке-корт, фигурно подстриженные живые изгороди в виде животных вдоль фасада. Что ему еще покажут? Как постояльцы играют в дядюшку Уиггли* за сараем для инвентаря? Мистер Стюарт Уллман уже успел до крайности надоесть ему, но он видел, что тот еще не закончил. Уллману представился шанс поговорить, и он собирался высказать все до последнего слова.

— Когда убытки превысили три миллиона, Дервент продал «Оверлук» группе инвесторов из Калифорнии. Но и они потерпели здесь полный провал. Те люди тоже ничего не понимали в гостиничном деле. В тысяча девятьсот семидесятом году мистер Шокли совместно со своими деловыми партнерами приобрел отель и назначил меня управляющим. Признаюсь, на протяжении ряда лет наш баланс тоже оставался отрицательным, но, как я с большим удовлетворением могу подчеркнуть, это ничуть не поколебало полного доверия ко мне со стороны нынешних владельцев. И вот по итогам прошлого финансового года мы вышли на безубыточный уровень. А в нынешнем году бухгалтерия «Оверлука[2] зафиксировала прибыль, что произошло впервые почти за семь десятилетий.

Джек подумал, что этот болтливый коротышка имеет полное право гордиться собой, но потом на него вновь накатила первоначальная антипатия.

И он сказал;

— Простите, мистер Уллман, но я не вижу связи между, бесспорно, весьма колоритной историей отеля и вашим мнением, что я не гожусь для этой работы.

— Одна из причин убыточности «Оверлука*» состоит в значительной амортизации основных фондов, которая происходит каждую зиму. Вы не поверите, мистер Торранс, насколько сильно это снижает шансы сделать окончательный баланс положительным. Зимы здесь фантастически суровые. Чтобы справиться с проблемой, я ввел в штатное расписание полноценную должность зимнего смотрителя, который управлял бы котельной и ежедневно прогревал различные помещения отеля на основе планомерной ротации. Он должен немедленно устранять повреждения, как только они возникнут, и проводить профилактические ремонтные работы, чтобы не позволить стихии нанести нам урон. Быть постоянно готовым к любым случайностям и непредвиденным обстоятельствам. И вот в первую же зиму я нанял целую семью, вместо того чтобы поручить это дело одинокому мужчине. И произошла трагедия. Ужасающая трагедия.

При этом Уллман вновь посмотрел на Джека холодным, оценивающим взглядом.

— Я совершил ошибку. И честно признаю это. Отец семейства оказался горьким пьяницей.

Джек почувствовал, как его губы медленно начинают кривиться в злой усмешке, являвшей собой полную противоположность белозубой улыбке на публику.

— Так вот оно что! Странно, что Эл ничего вам не сказал. Я больше не употребляю спиртное.

— Нет, мистер Шокли сообщил мне, что вы теперь не пьете. Но он также рассказал мне о вашей предыдущей работе... Скажем так, о последней ответственной должности, которую вы занимали. Бы преподавали английский язык и литературу в одной из школ Вермонта. И однажды полностью потеряли контроль над собой. Не думаю, что мне следует сейчас вдаваться в детали. Но при этом я считаю, что случай с Грейди послужил для нас слишком жестоким уроком, и именно по этой причине я позволил себе затронуть в нашем разговоре... э-э... эпизод из вашего прошлого.

Зимой тысяча девятьсот семидесятого семьдесят первого годов, после того как завершилась реконструкция отеля, но до начала нашего первого сезона, я нанял этого несчастного... Этого злополучного человека по имени Делберт Грейди. Он поселился в помещении, куда предстоит въехать вам с супругой и сыном. У него тоже была семья — жена и две дочурки. Я испытывал определенные опасения, связанные в основном с суровостью здешних зим и тем фактом, что семье Грейди предстояло оказаться отрезанной от внешнего мира на пять или даже шесть месяцев.

— Но ведь на самом деле все не так уж страшно, не правда ли? Здесь есть телефоны и, вероятно, рация. К тому же национальный парк «Скалистые горы» находится в пределах досягаемости вертолета, а у них наверняка найдется хотя бы пара «вертушек».

— Об этом мне ничего не известно, — сказал Уллман. — Но в отеле действительно есть радиостанция для двусторонней связи. Мистер Уотсон покажет вам, как ею пользоваться, и даст список необходимых частот для вызова помощи, если она вам понадобится. Телефонная линия до Сайдуайндера по старинке проложена над землей, и почти каждую зиму происходит обрыв, на устранение которого обычно требуется от трех недель до полутора месяцев. Добавлю, что в сарае для инструментов стоит снегоход.

— Видите, значит, это место нельзя считать полностью отрезанным от цивилизации.

Лицо Уллмана исказила болезненная гримаса.

— Предположим, ваш сын или жена упадут с лестницы и проломают себе череп. Для вас и тогда это место покажется не полностью отрезанным от цивилизации, а, мистер Торранс?

Джек понял, что он имел в виду. Снегоход, если гнать его во весь оцор, достигнет Сайдуайндера часа за полтора... В лучшем случае. Вертолет спасательной службы национального парка окажется здесь часа через три. Но это при оптимальных погодных условиях. В пургу вертолет не оторвется от земли, а снегоход не разгонится, даже если вы осмелитесь перевозить тяжелораненого человека при температуре минус двадцать пять градусов — или, учитывая ветер, все минус сорок пять [\[3\]](#).

— В случае с Грейди, — продолжил Уллман, — я рассуждал примерно так же, как мистер Шокли по вашему поводу. Одиночество тяжело переносить само по себе. Гораздо лучше, чтобы рядом с мужчиной находились члены его семьи. Если возникнет проблема, прикидывал я, то скорее всего не столь серьезная, как проломленный череп, несчастный случай при использовании электрического инструмента или приступ падучей. Даже при тяжелом гриппе, пневмонии, при переломе руки или аппендиците времени, чтобы вызвать подмогу, будет достаточно.

Как я подозреваю, подлинными причинами трагедии стал перебор с дешевым виски, огромный запас которого втайне от меня завез сюда Грейди, и редкое заболевание, называющееся «синдромом отшельника», а в просторечии именуемое «лихоманкой лесной хижины». Вам знакомы эти термины?

Уллман уже заготовил снисходительную усмешку, готовый дать разъяснения, как только Джек признает свое невежество в подобных вопросах, а потому тот был счастлив предоставить быстрый и точный ответ:

— Да, так именуется одно из проявлений клаустрофобии, когда человек или небольшая группа людей оказывается отрезанной от внешнего мира в течение длительного периода времени. Первым внешним признаком заболевания обычно становится развитие антипатии к людям, вместе с которыми больной находится в изоляции. В острой форме появляются галлюцинации и склонность к насилию. Известны случаи, когда происходили убийства по таким ничтожным поводам, как пережаренное мясо или спор о том, чья очередь мыть посуду.

При виде удивления и смущения на лице Уллмана Джек почувствовал себя намного лучше. Он решил надавить на больное место, но тут же дал мысленное обещание Уэнди не перегибать палку.

— Вы и в самом деле допустили грубейший промах. Он что же, начал избивать своих домочадцев?

— Он их убил, мистер Торранс, а потом покончил с собой. Своих маленьких дочек он зарубил кухонным топором, жену застрелил из ружья и сам застрелился из него же. При этом у него оказалась сломана нога.

Несомненно, он допился до того, что упал с лестницы.

Уллман развел руки в стороны и посмотрел на Джека с самодовольным видом.

— У него было хотя бы среднее образование?

— Нет, не было, если уж на то пошло, — ответил Уллман с некоторой настороженностью. — Но я рассудил, что человек, не наделенный, скажем так, слишком богатым воображением, будет менее подвержен отчаянию и подавленности, вызванным одиночеством...

— Вот тут и коренилась ваша ошибка, — сказал Джек. — Наоборот, умственно ограниченная личность более подвержена «синдрому отшельника», точно так же, как более склонна открывать стрельбу за карточной игрой или совершать вооруженные ограбления под воздействием необдуманного, импульсивного решения. Таким людям быстро становится скучно. В снежном плену нечем себя занять, кроме как пялиться в телевизор или раскладывать пасьянсы, жульничая, чтобы они сходились. Остается только собачиться с женой, шпынять детей и выпивать. Трудно спать без привычного городского шума. И приходится напиваться до бессознательного состояния, чтобы наутро проснуться с тяжелым похмельем. Человек становится раздражительным. А потом, вероятно, обрывается телефонная связь, ломается телевизионная антенна, и он остается наедине с тяжелыми мыслями, подтасованными пасьянсами и все нарастающей злобой в душе. Она все растет и растет. И наконец — бах, бах, бах!

— А чем же отличается более образованный мужчина? Вы сами, например?

— Мы с женой оба любим читать. А я еще и работаю над пьесой, о чем, возможно, упомянул Эл Шокли. У Дэнни есть головоломки, книжки-раскраски и детекторный радиоприемник. Я планирую научить его читать и показать, как ходить на снегоступах. Уэнди это тоже понравится. Не сомневайтесь, мы найдем чем развлечься и не вцепимся друг другу в волосы, даже если останемся без телепередач. — Джек немного помолчал. — И Эл не покривил душой, когда сказал, что я больше не пью. Когда-то я этим действительно увлекался и чуть не перегнул палку. Но за последние четырнадцать месяцев я не выпил и кружки пива. Я не

собираюсь привозить сюда алкоголь, а когда выпадет снег, у меня не будет такой возможности.

— В этом вы совершенно правы, — кивнул Уллман. — Но поскольку вас здесь будет трое, вероятность потенциальных проблем пропорционально возрастает. Я говорил об этом мистеру Шокли, но он заверил, что берет всю ответственность на себя. А после разговора с вами я вижу, что вы тоже готовы отвечать за себя и...

— Полностью готов.

— Хорошо. Мне придется с этим смириться, поскольку выбора нет. Но я все равно предпочел бы видеть на вашем месте не обремененного семьей студента колледжа в академическом отпуске. Хотя, возможно, вы и справитесь. Теперь же я передам вас в руки мистера Уотсона, который покажет вам планировку подвала и устроит небольшую экскурсию. Если только у вас не осталось ко мне никаких вопросов.

— Вопросов больше нет.

Уллман поднялся.

— Надеюсь, вы не затаили в душе обиду, мистер Торранс. Поверьте, в моих словах нет ничего личного. Для меня превыше всего интересы «Оверлука». Это великолепный отель. И я лишь хочу, чтобы он таким и оставался.

— Что вы! Никаких обид. — Джек снова включил парадную улыбку, но обрадовался, когда Уллман не протянул ему руку для прощального пожатия. На самом деле обида осталась. И даже больше, чем просто обида.

Глава 2 БОУЛДЕР

Она выглянула в окно кухни и увидела, что он просто сидит на краю тротуара, не играя ни с грузовичками, ни с тележкой, ни даже с моделью планера из бальзового дерева, которой так радовался, когда на прошлой неделе Джек принес ее домой. Он сидел, прижав локти к бедрам и подперев руками подбородок, и высматривал, не появится ли их заезженный в хвост и в гриву «фольксваген». Пятилетний мальчик, ждущий своего папочку.

Уэнди внезапно почувствовала себя плохо, просто ужасно.

Она повесила кухонное полотенце на перекладину рядом с раковиной и спустилась вниз, на ходу застегивая две верхние пуговицы своего домашнего платяца. Ох уж этот Джек и его гордость! **Нет, Эл, не нужен мне никакой аванс. Я пока могу обойтись.** Стены коридора были сплошь исписаны фломастерами, восковыми карандашами и краской из баллончиков. Ступеньки лестницы — крутые и выщербленные. Все здание от ветхости провоняло какой-то кислятиной. Разве это подходящее место для Дэнни после их небольшого, но такого уютного кирпичного дома в Стовингтоне? Люди, жившие этажом выше, не состояли в браке, но если это ее мало беспокоило, то их бесконечные и бурные ссоры крепко действовали на нервы. И пугали. Парня звали Том. В конце рабочей недели, когда закрывались все бары, они являлись домой, и тут начинались настоящие побоища. В сравнении с этим ссоры в другие дни казались всего лишь легкой прелюдией. «Петушиные бои по пятницам» — так выражался Джек, но смеяться над шуткой вовсе не хотелось. Под конец женщина по имени Элейн неизменно раздражалась рыданиями и все повторяла: «Том, не надо. Пожалуйста, не надо, Том. Ну пожалуйста...» А он продолжал орать на нее. Однажды они даже умудрились разбудить Дэнни, а ведь Дэнни всегда спал как убитый. На следующее утро Джек перехватил Тома, когда тот выходил из подъезда, и долго с ним о чем-то разговаривал. Том начал бушевать, и тогда Джек сказал ему что-то еще, очень тихо, чтобы Уэнди не расслышала, а Том угрюмо кивнул и ушел. Было это неделю назад, и несколько дней прошли спокойно, но с пятницы события вновь вернулись в привычную, естественную... то есть, конечно же, неестественную колею. А

для маленького мальчика это очень плохо.

На нее снова накатила тоска, но она уже вышла на тротуар и потому поспешила избавиться от этого чувства. Подобрал подол платья, Уэнди уселась рядом с сыном и спросила:

— Как тут дела, док?

Он улыбнулся в ответ, но довольно натянуто.

— Привет, мам.

Модель планера он держал между обутыми в кроссовки ногами, и она заметила, что в одном из крыльев наметилась трещина.

— Хочешь, я посмотрю, смогу ли починить его, милый?

Но взгляд Дэнни уже опять был устремлен в дальний конец улицы.

— Нет, папа его починит.

— Но папа может не вернуться до самого ужина, док. До гор путь неблизкий.

— Ты думаешь, «жук» сломается?

— Нет, я так не думаю, — ответила она, хотя на самом деле сын только что дал ей еще один повод для беспокойства. **Спасибо, Дэнни. Только этого мне и не хватало.**

— Папа говорил, что он может, — продолжал Дэнни без тени волнения, почти скучающим тоном. — Бензонасос, сказал он, превратился в полное дерьмо.

— Не произноси таких слов, Дэнни!

— Каких слов? Бензонасос? — спросил мальчик с искренним удивлением.

— Нет. Превратился в дерьмо. Не надо так говорить.

— Почему?

— Потому что это вульгарно.

— А что такое вульгарно, мам?

— Вульгарно ковырять в носу за столом и пйсать, не закрыв за собой дверь туалета. А еще говорить «дерьмо». Это вульгарное слово. Хорошие люди его не употребляют.

— Но папа же употребил. Когда осматривал мотор «жука», сказал: «Господи! Этот бензонасос так износился, что превратился в полное дерьмо». Разве папа — нехороший человек?

Ну и как ему объяснять такое, Уиннифред? Репетировать речь заранее?

— Конечно, хороший, но ведь он взрослый. И потому умеет быть осторожным и не говорит таких слов людям, которые могут неправильно его понять.

— Вроде дяди Эла?

— Да, вроде него.

— А я смогу так говорить, когда вырасту?

— Наверное, сможешь, нравится мне это или нет.

— Во сколько лет?

— Как насчет двадцати, док?

— Больно долго ждать.

— Да, долго, но ведь ты постарайся?

— Ладно.

И он вернулся к наблюдению за улицей. Чуть напрягся, словно собрался вставать, но проехавший мимо «жук» оказался гораздо новее и более яркого красного цвета. Он снова расслабился. А она задумалась, тяжело ли Дэнни дался переезд в Колорадо. Сам он ничего об этом не говорил, но она

беспокоилась, замечая, как много времени он проводит теперь в одиночестве. В Вермонте у троих коллег Джека были дети примерно одного с Дэнни возраста (не говоря уже о детском саде), но в этом квартале играть ему было совершенно не с кем. Большинство квартир занимали студенты Университета штата Колорадо, а из семейных пар, обитавших на Арапахо-стрит, лишь немногие имели детей. До сих пор она заметила дюжину старшеклассников или школьников помладше, троих младенцев — и все.

— Мамочка, а почему папа потерял работу?

Ее словно толчком вывели из задумчивости и заставили мысленно барахтаться в поисках ответа. Они с Джеком обсуждали, как им быть, если Дэнни однажды задаст именно этот вопрос, и вероятные объяснения варьировали от уклончивых до совершенно правдивых, без прикрас. Но Дэнни ни о чем не спрашивал. До нынешнего момента, когда она испытывала упадок сил и оказалась менее всего готовой к вопросу. А он смотрел на нее, видел, вероятно, растерянность на ее лице и приходил к каким-то своим собственным выводам по этому поводу. Она подумала, что детям мотивы и поступки взрослых должны казаться такими же огромными и угрожающими, как опасные дикие звери, которые мерещатся им в тени лесной чащи. Детей дергали в разные стороны, как марионеток на веревочках, а они понятия не имели, зачем с ними так поступают. От этой мысли она опять чуть не заплакала и, борясь со слезами, склонилась вперед, взяла подраненный планер и принялась вертеть его в руках.

— Твой папа готовил школьную команду к соревнованиям по искусству полемики. Помнишь?

— Конечно, — ответил он. — К спорам смеха ради, так это у него называлось.

— Верно. — Она покрутила планер в руках, прочла название («Спидоглайд»), рассмотрела переводные картинки в виде синих звезд на крыльях и вдруг поняла, что рассказывает сыну чистую правду. — И был один мальчик по имени Джордж Хэтфилд, которого папе пришлось убрать из команды. Просто он оказался не так хорош, как другие. Но Джордж заявил, что папа отчислил его потому, что невзлюбил, а не потому, что посчитал недостаточно подготовленным. А потом Джордж совершил очень

плохой поступок. Думаю, ты слышал об этом.

— Это он наделал дырок в шинах нашего «жука»?

— Да, он. Все произошло после уроков, и твой папа застал его за этим занятием.

Ею вдруг овладели сомнения, но пути назад были отрезаны. Оставалось либо сказать всю правду, либо солгать.

— Твой папа... Понимаешь, иногда он совершает поступки, о которых ему потом приходится сожалеть. Иногда его разум работает не так, как следовало. Такое случается не очень часто, но все же бывает.

— Он сделал Джорджу Хэтфилду так же больно, как мне, когда я раскидал все его бумаги?

Иногда...

(Дэнни и его рука в гипсе)

...он совершает поступки, о которых ему потом приходится сожалеть.

Уэнди резко сморгнула, чтобы загнать подступившие слезы подальше внутрь.

— Да, примерно также, милый. Твой папа ударил Джорджа, чтобы тот прекратил резать колеса, а Джордж стукнулся при этом головой. А потом люди, которые управляют школой, решили, что Джордж не сможет ее больше посещать, а твой папа не должен больше там преподавать.

Она замолчала, не находя нужных слов и в страхе ожидая череду других вопросов.

— Вот как... — сказал Дэнни и снова уставился на улицу. Очевидно, тема была исчерпана. Жаль, она не могла быть с такой же легкостью исчерпана для самой Уэнди...

Она поднялась на ноги.

— Пойду наверх и выпью чашку чая, док. Не хочешь печенья со стаканом молока?

— Нет. Я лучше дождусь здесь папу.

— Не думаю, что он вернется домой до пяти.

— А вдруг он приедет пораньше?

— Возможно, — согласилась она. — Быть может, и приедет.

Она уже почти дошла до входной двери, когда он окликнул:

— Мамочка!

— Что такое, Дэнни?

— Ты действительно хочешь поехать жить в том отеле на всю зиму?

Вот те раз! И какой из пяти тысяч возможных ответов ей следует сейчас дать? Тот, что пришел на ум вчера вечером, или этой ночью, или уже утром? Все они были разные, и их смысловые оттенки менялись от ярко-розового до беспросветночерного.

Она сказала:

— Если этого хочет твой отец, то хочу и я.

Потом помедлила.

— А ты сам?

— Наверное, хочу, — ответил он после паузы. — Здесь и поиграть-то особенно не с кем.

— Скучаешь по друзьям, да?

— Иногда скучаю по Скотту и Энди. Вот и все.

Она вернулась, поцеловал а. его и потрепала по голове, по светлым волосам, только начавшим терять младенческую нежную пушистость. Ее

сын был настолько серьезным для своих лет мальчиком, что ей иногда становилось страшно, каково ему будет жить с такими родителями, как она сама и Джек. Большие ожидания, с которых они начинали, свелись к этому неопрятному многоквартирному дому в совершенно незнакомом месте. Перед ней снова возник образ Дэнни в гипсе. Кто-то в Небесной службе распределения совершил ошибку, которую, как она иногда опасалась, уже никогда не удастся исправить, а расплачиваться придется самому невинному участнику этой истории.

— Только не выходи на проезжую часть, — сказала она и еще раз обняла его.

— Конечно, мам.

Она поднялась наверх и прошла в кухню. Поставила чайник и положила на тарелку два круглых печенья, на случай если Дэнни надумает прийти домой, а она уже ляжет. Устроившись за столом со своей большой керамической кружкой, она снова посмотрела в окно: он сидел на том же месте, в джинсах и слишком большом для него темно-зеленом форменном свитере Стюарттонской подготовительной школы. Планер лежал рядом на тротуаре. Слезы, угрожавшие пролиться с самого утра, теперь хлынули ручьем, и она плакала, низко склонившись над ароматным паром, клубившимся из кружки. Она рыдала, оплакивая горести и утраты прошлого, в страхе перед будущим.

Глава 3 УОТСОН

«Вы потеряли контроль над собой», — сказал Уллман.

— Так. Вот топка. — Уотсон включил свет в мрачном и затхлом помещении. Это был упитанный мужчина с пышной шевелюрой цвета попкорна, в белой рубашке и легких темнозеленых брюках. Он распахнул небольшую квадратную заслонку в корпусе топки, и они с Джеком вместе заглянули туда.

— Это контрольная горелка.

Сине-белая шипящая струйка пламени устремлялась вверх с ровной разрушительной силой, и, подумалось Джеку, ключевое слово здесь **разрушительная**, а не **ровная**: сунь туда ладонь — и тут же запахнет паленым мясом.

Потерял контроль над собой.

{Дэнни, с тобой все хорошо?}

Топка занимала почти всю комнату и была, несомненно, самой большой и старой из всех, что Джек когда-либо видел.

— Горелка оборудована предохранителем, — сообщил Уотсон. — Там установлен маленький приборчик, который измеряет температуру. Если она упадет ниже нужного уровня, в твоей квартире заорет зуммер. Бойлер расположен по ту сторону стены. Я тебе его сейчас покажу.

Он захлопнул заслонку и повел Джека вокруг громады топки к другой двери. Металл дышал одуряющим жаром, и почему-то Джеку это зрелище напомнило огромную спящую кошку.

Потерял контроль...

(Когда он вернулся в свой кабинет и увидел там улыбающегося Дэнни в

одних спортивных трусах, багровое облако ярости медленно затуманило Джеку рассудок. Впрочем, медленным это показалось только ему самому, а на самом деле все произошло менее чем за минуту. Это была иллюзия замедленности, как нам представляются замедленными некоторые наши сны. Дурные сны. За время его отсутствия каждая полка и каждый ящик в кабинете подверглись разорению. Шкафы, бюро, книжные стеллажи. Все выдвижные ящики письменного стола были выдернуты наружу. Листы его рукописи — пьесы в трех действиях, над которой он кропотливо трудился, переделывая новеллу, написанную семь лет назад, еще студентом — были беспорядочно разметаны по полу. Он как раз пил пиво, внося поправки во второй акт, когда Уэнди позвала его к телефону, и Дэнни успел разлить пиво из банки по страницам пьесы. Вероятно, чтобы посмотреть, будет ли оно пениться. **Будет ли пениться, будет ли пениться** — эти слова звучали у него в голове снова и снова, подобно однообразному тошнотворному аккорду на расстроенном пианино, замыкая гневную цепь в мозгу. Он решительно шагнул к своему трехлетнему тогда сыну, смотревшему на него снизу вверх с широкой улыбкой, явно получившему удовольствие от успешно проделанной в отцовском кабинете «работы». Дэнни пытался что-то ему сказать, но именно в тот момент он схватил его за руку и выгнул ее, чтобы заставить выронить «Штрих» для пишущей машинки и автоматический карандаш, которые сын все еще сжимал в кулачке. Дэнни чуть слышно вскрикнул... **Нет... Нет... Говори правду.** Он громко закричал. Джек плохо помнил подробности — облако злости, мерзкий звук, напомнивший ему пародии

Спайка Джонса... Откуда-то доносился голос Уэнди, спрашивавшей, что случилось. Ее заглушал внутренний туман. Да и при чем здесь она? Дело касалось только их двоих. Он резко развернул Дэнни, чтобы отшлепать, и сильные мужские пальцы сдавили тощее предплечье малыша. Треск сломавшейся кости был не громким, вовсе не громким, а **очень** громким — **ОГЛУШАЮЩИМ**, но не громким. Этого звука оказалось вполне достаточно, чтобы стрелой пронзить всепоглощающий красный туман. Но вместо того чтобы принести с собой свет, звук впустил в сознание новые черные облака стыда и сожаления, страха и мук совести конвульсивно агонизирующей души. Это был чистейший звук, оставивший прошлое по одну сторону, а будущее — по другую. Такой же звук издает сломавшийся грифель карандаша или хворост, который для растопки переламинаешь через колено. И полная тишина по другую сторону, похожая на дань уважения к наступившей новой жизни, которая продлится теперь до конца

дней. Он видит, как от лица Дэнни отливает кровь, делая его похожим на сыр, видит глаза сына: всегда такие большие, они становятся еще крупнее, но взгляд их стекленеет. И Джеку уже представляется, как Дэнни падает без чувств на ворох пропитанных пивом листов бумаги; он слышит собственный голос — слабый, пьяный, нечленораздельный, абсурдная попытка повернуть все вспять, чтобы никакого звука, никакого громкого треска сломанной кости не было и в помине (должен же в доме быть порядок, в конце-то концов?). «Дэнни; с тобой все хорошо?» И вопль боли в ответ, а потом испуганные причитания Уэнди, когда она вошла и сразу увидела, под каким неестественным углом выгнуто предплечье сына; рука никак не могла так изломанно свисать в том мире, где живут нормальные семьи. Ее собственный крик, когда она обняла Дэнни, бормоча бессмыслицу: «О Боже о. Боже милостивый о Господи твоя ручка твоя бедненькая ручка»; и Джек, стоявший рядом, растерянный и поглупевший, бессильный постичь, как что-то подобное могло произойти. Он стоял, а потом его глаза встретились с глазами жены, и он понял, что Уэнди ненавидела его. Тогда до него не дошло, что эта ненависть могла означать в обыкновенном, житейском смысле. Только позже он осознал: в тот вечер она вполне была способна уйти от него, снять номер в мотеле, а утром обратиться к адвокату по разводам или даже вызвать полицию. Но сначала он увидел лишь ненависть жены — и был глубоко потрясен, испытал полнейшее одиночество. Ощущение оказалось ужасным. Подобным смерти. Потом Уэнди бросилась к телефону, чтобы набрать номер больницы, держа кричащего мальчика на согнутой в локте руке, но Джек не пошел за ней, а остался стоять посреди хаоса своего кабинета, дыша пивными парами и думая...)

Вы потеряли контроль над собой.

Он резко провел ладонью по губам и последовал за Уотсоном в бойлерную. Там оказалось очень влажно, но лоб, живот и ноги Джека покрылись отвратительно липким потом не от сырости. Так подействовало воспоминание, настолько живое и острое, будто события ночи двухлетней давности произошли каких-то два часа назад. Словно не было никакой временной дистанции. Вернулись стыд, отвращение к себе, осознание собственной никчемности. В свою очередь, эти чувства всегда вызывали у Джека жгучее желание выпить, а тяга к алкоголю только глубже погрузила его в черную бездну безысходного отчаяния: да будет ли в жизни хотя бы час (заметьте, не неделя и не целый день, а всего лишь час), когда его

перестанет заставлять врасплох стремление приложиться к бутылке?

— Бойлер, — провозгласил Уотсон. Затем вытащил из заднего кармана брюк красно-синюю бандану, беззастенчиво и смачно высморкался в нее и убрал с глаз долой, предварительно бегло взглянув, не вылезло ли на свет божий чего интересного.

Котел — длинная стальная цистерна, покрытая слоем меди и во многих местах уже залатанная, — покоился на четырех бетонных блоках. Поверх него находилось мудреное переплетение сочлененных между собой труб и патрубков, которые зигзагами уходили в высокий, сплошь покрытый густой паутиной потолок подвала. Справа от Джека из стены выходили две крупные отопительные трубы от топки.

— Вот манометр. — Уотсон постучал по прибору. — Давление измеряется в фунтах на квадратный дюйм. Но уж такие штуки ты сам должен знать. Я сейчас снизил его до сотни, и по ночам в номерах холодновато. Плевать. Почти никто не жалуется. И какого лешего? Надо быгть вообще полным мудаком, чтобы притащиться сюда в сентябре. К тому же этот старичок уже давно отжил свое. На нем больше заплаток, чем на портках, которые бесплатно раздают безработным.

Бандана снова появилась на свет божий. Громкий хрюкающий звук. Быстрый взгляд. И платок исчез в кармане.

— Я и сам подцепил сучью простуду, — сообщил Уотсон. — Каждый сентябрь одна и та же песня. Я тут парюсь с этой старой хреновиной, а потом вылезаю наружу постричь траву или разровнять корт. С жары на холод — и простуда обеспечена, как говаривала моя мамаша, упокой, Господи, ее душу. Шесть лет как померла. Рак доконал. Рак — он такой. Если завелся, все, тебе кранты. Пиши завещание.

Ты вообще можешь не поднимать давление выше пятидесяти или шестидесяти. Мистер Уллман велел прогревать сегодня западное крыло, завтра — центр, а послезавтра — левое крыло. Он больной на всю голову, ты заметил? Ненавижу этого маленького недоноска! Ля-ля-ля... И так целый день. Он смахивает на комнатную собачонку, что цапнет тебя за лодыжку, а потом отбежит в сторонку и твой же ковер обоссyt. Если бы мозги делали из пороха, ему бы не удалось взорвать даже собственный

шнобель. Иногда такое творит, что хочется схватиться за пистолет. Вот только жаль, его у меня нет.

Теперь глянь сюда. Подачу тепла в трубы будешь регулировать вот этими вентилями. Я их все для тебя пометил. Те, что с синими висюльками, идут в номера восточного крыла. С красными — в центр. Желтые, стало быть, обогревают западную часть. Когда станешь прогревать западное крыло, помни, что та часть отеля больше всего страдает от стужи. Когда завернет мороз, в номерах там холоднее, чем у фригидной телки в причинном месте. А потому в дни прогрева западной стороны поднимай давление до восьмидесяти. Я бы так и делал на твоём месте.

— Наверху я заметил термостаты и подумал... — начал было Джек.

Но Уотсон принялся так выразительно мотать головой, что шапка волос на его голове заходила ходуном.

— Регуляторы в номерах никуда не подключены. Их воткнули для видимости. Понимаешь, есть субчики, особенно из какой-нибудь там Калифорнии, которым никогда не бывает достаточно тепло, если в их сраных спальнях нельзя пальмы выращивать. Нет, температурой можно управлять только отсюда. Но не забывай присматривать за давлением. Видишь, как ползет вверх?

Он снова постучал пальцем по стеклу основного манометра, стрелка которого, пока Уотсон разглагольствовал, действительно успела подняться со ста фунтов на квадратный дюйм до ста двух. Внезапно у Джека по спине побежали мурашки, и он мысленно пропел: **Гусь только что прошел по моей могиле.** Уотсон крутанул вентиль, раздалось громкое шипение, и стрелка опустилась до отметки «Девяносто один». Затем Уотсон перекрыл клапан, и шипящий звук постепенно затих.

— Да, так и норовит подняться само собой, — объяснил он. — Но доложи об этом нашему толстяку Уллману, и он притащит стопку своих бухгалтерских талмудов, чтобы потом три часа втолковывать тебе, почему не может позволить установить новый котел аж до тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Скажу тебе прямо: в один прекрасный день здесь все взлетит на воздух, и я лишь надеюсь, что наш занудливый пухлый сучонок окажется в тот момент на месте, чтобы поучаствовать в полете. Бог

свидетель, хотел бы я быть таким же добреньким, как моя мамаша* Та в каждом видеела только хорошее. Но я... Я злобный, что твоя гремучая змея после линьки. И тут уж ни хрена не поделаешь. Натура берет свое.

Помни, что сюда нужно спускаться два раза в день и еще вечером, прежде чем отправиться на боковую. Всегда проверяй давление. Если забудешь, оно начнет ползти и ползти вверх, и как-нибудь ты вместе со всей семейкой проснешься на треклятой луне. Но если понемногу спускать пар, все будет тип-топ.

— Каков максимальный уровень?

— Конечно, по документам котел должен выдерживать все двести пятьдесят. Но теперь он точно взорвется гораздо раньше. Ты меня силком не заставишь спуститься сюда и встать рядом с этой бочкой, если стрелка встанет даже на ста восьмидесяти.

— А разве здесь не предусмотрен аварийный клапан?

— Не-а. Котел поставили еще до того, как такие причиндалы сделали обязательными. Это теперь правительство стало во все совать свой нос, верно? ФБР письма вскрывает, ЦРУ прослушивает каждый чертов телефон... А вспомни, что случилось с Никсоном. Вот уж было жалкое зрелище.

— Как насчет водопровода и канализации?

— Да, кстати. Я как раз собирался перейти к этому. Проходи через вон ту арку.

Они попали в прямоугольное помещение длиной, казалось, не меньше мили. Уотсон дернул за веревку, и единственная лампочка на семьдесят пять ватт озарила их лучами тоскливо мерцающего света. Прямо перед ними располагалось дно шахты лифта, с покрытыми густой смазкой тросами, обвивавшимися вокруг двадцатифутовых шкивов, и забитым смазкой электромотором. Повсюду лежали старые газеты: в кипах, в связках, в коробках. Также имелись ящики, помеченные надписями типа «Учетные книги», «Счета», «Квитанции», сопровождавшимися призывом «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ!». Пахло старой бумагой и плесенью. Некоторые картонки начали разваливаться, и из них по полу разлетелись пожелтевшие

ломкие листки, которым на вид было не менее двух десятков лет. Джек с интересом осматривался по сторонам. Вся история «Оверлу-ка» могла находиться прямо здесь, погребенная в этой постепенно гниющей картонной таре.

— С этим лифтом сам черт не управится, — заметил Уотсон, указывая пальцем в сторону шахты. — Мне **доподлинно известно**, что Уллман за наш счет кормит шикарными ужинами старшего инспектора штата по лифтовому оборудованию, лишь бы не допустить ремонтников к этой развалюхе. А вот тебе и наша центральная сантехническая зона.

Прямо перед ними пять широченных труб, каждая в плотной изоляционной обмотке, прихваченной крепкими стальными обручами, уходили куда-то в тень под потолок, где и терялись из виду.

Уотсон кивнул на затянутую паутиной полку рядом со шкафом для инструментов. Помимо грязных тряпок, на ней лежала папка-скоросшиватель с множеством хаотично засунутых туда листков бумаги.

— Здесь все чертежи по сантехнике, что у нас есть, — сказал он. — Не думаю, что у тебя будут проблемы с протечками. Такого еще ни разу не приключалось. Но некоторые трубы иногда замерзают. Есть один верный способ избежать этой напасти — открывать ненадолго краны по вечерам, но только в этом Богом проклятом отеле их больше четырех сотен. Представляешь, как разорется наш пузырь-начальник, когда увидит счета за воду? Его в Денвере слышно будет, скажешь, нет?

— Напротив, мне это представляется на редкость точным аналитическим умозаключением.

Уотсон вскинул на Джека восхищенный взгляд.

— Вот, сразу видно, что ты из образованных. Говоришь, как пишешь. Я таких ребят сильно уважаю, если только они не голубые. А в колледжах пидоров пруд пруди. Знаешь, кто подбил студентов бунтовать несколько лет назад? Они самые. Гоммосексулы. Верно тебе говорю. Их вконец достали, вот они и взбесились. Пожелали, видите ли, выйти из тени — так это у них называлось. И куда только катится этот мир, скажи на милость? Ну да ладно. Так вот, если труба замерзнет, то скорее всего прямо здесь, у основания. Подвал же не отапливается, сечешь? Случись такое, пользуйся

этим. — Он дотянулся до сломанного оранжевого ящика и достал паяльную лампу. — Снимаешь изоляцию, нащупываешь ледяную пробку и прогреваешь. Понятно?

— Да. Но что, если труба все-таки замерзнет где-то выше?

— Ничего подобного не случится, если ты будешь справляться с работой и вовремя протапливать помещения. А до других труб тебе все равно не добраться. Даже не замораживай-ся. Как я сказал, проблем быть не должно. Но вообще-то подвал я не люблю. Жутковатое место. Рай для пауков. Мне здесь одному порой становится не по себе.

— Уллман рассказывал, что в первую же зиму смотритель убил свою семью, а потом и себя.

— Да, этот тип Цзейди. Он был непутевый. Я это понял, как только впервые увидел его. Вечно скалился, как пес, отлизавший себе яйца. Тогда здесь все только начиналось, и этот толстый пердун Уллман готов был нанять даже Бостонского Душителя^[4], если бы тот согласился пахать за гроши. Их потом нашел рейнджер из национального парка. Телефон не работал. Все трупы лежали на четвертом этаже в западном крыле, насквозь промерзшие. Девочек жаль было до слез. Восемь и шесть лет всего-то. Хорошенькие, как две куколки. Устроил здесь Грейди кровавую баню! Уллман как раз на то время перебрался во Флориду заправлять другим модным отелем. Он тогда по-быстрому долетел до Денвера, а в Сайдуайндере ему пришлось найти санную упряжку. Дороги-то замело. Уллман **в санях**, представляешь картину? Он потом из кожи вон вылез, чтобы история не попала в большие газеты. И врать не буду, с этим он справился на все сто. Несколько строк напечатала «Денвер пост», да еще вшивый листок, что выходит в Эстес-Парке, тиснул этот... как его? Некронолог, что ли. Вот и все. Отлично, если учесть дурную славу отеля. А я так и ждал, что какой-нибудь репортеришка начнет копать и свалит дело Грейди в кучу с другими скандалами.

— Какими скандалами?

Уотсон передернул плечами.

— Ни в одном крупном отеле не обходится без скандалов, — сказал он. — Как и без привидений. Спросишь почему? Да потому, черт возьми, что

через них проходят такие толпы людей. Кто-то непременно отдаст Богу душу прямо в номере. От сердца там или от удара — от чего угодно. Отели битком набиты суевериями. Где-то не бывает тринадцатого этажа, почти нигде нет тринадцатого номера, зеркал не вешают с обратной стороны входной двери. И все в таком роде. Да что за примерами далеко ходить? У нас самих в прошлом июле одна дамочка копыта отбросила. Уллману это тоже пришлось замять, и можешь не сомневаться, он справился. Вот за что ему платят двадцать две штуки баксов в сезон, и, хотя я недолголюбиваю этого хлыща, он свои деньги отрабатывает по полной. Это как если бы люди специально приезжали сюда, чтобы проблевать-ся, а потом нанимали парня вроде Уллмана прибрать за собой. И вот появляется эдакая мадам. Ей на вид не меньше шестидесяти, ей-богу! Моего возраста. А волосы выкрашены в красный цвет, как фонарь при борделе. Сиськи отвисают до пупа, потому что она, видите ли, не желает носить лифчик, а все ноги в варикозных венах и похожи на две дорожные карты, хотя золотом и разными камушками она была увешана, как твоя рождественская елка. С собой она привезла парнишку лет, должно быть, семнадцати. Космы вот по сих, до самой задницы, а между ног он словно напихал мятых комиксов. Они провели здесь неделю или даже дней десять, не помню точно, но каждый вечер повторялось одно и то же. С пяти до семи они торчали в «Колорадо-холле». Причем она глотала «сингапурские слинги» с такой скоростью, словно их к завтраму грозились запретить, а он выпивал всего-то бутылочку пивка, растягивая удовольствие. Она сыпала шутками, говорила что-то там смешное, и парень лыбился, как шимпанзе, растягивал рот, будто она за привязанные тесемки дергала. Но только уже через несколько дней стало заметно, что ему все труднее и труднее заставлять себя смеяться, а уж как ему удавалось поднимать свою штукину в постели с ней, так и вовсе одному Богу известно. После бара они, значит, отправлялись в ресторан ужинать. Она к тому времени так набиралась, что еле ноги волочила. А мальчишка, стоило ей морду отвернуть, щипал за задницы официанток и кокетничал с ними напропалую. Черт, мы даже стали заключать пари, как долго он продержится!

Уотсон пожал плечами.

— Однажды вечером, ближе к десяти, он спустился вниз и заявил, что у его «жены» случилось «легкое недомогание» (а это означало, что она попросту отрубилась, как бывало почти всегда) и ему необходимо срочно купить ей особое снадобье для желудка. Затем он сел в тот самый двухместный

спортивный «порш», на котором они к нам приехали, и исчез в неизвестном направлении. На следующее утро внизу появляется она и пытается разыгрывать спектакль, но только лицо ее с каждым часом все сильнее бледнеет. Тогда мистер Уллман дипломатично так спрашивает: мол, не желает ли она, чтобы поставили в известность копов? На всякий случай. Ежели он вдруг попал в аварию или еще что стряслось. Так она набросилась на него, как разъяренная кошка. Нет-нет! Не надо. Никакой полиции. Он — прекрасный водитель. Она совершенно спокойна и ждет его к ужину. Однако в тот день она засела в баре «Колорадо-холла» уже с трех часов, а ужинать не стала вовсе. В половине одиннадцатого поднялась к себе в номер, и больше живой ее уже никто не видел.

— Как это вышло?

— Окружной судебный медик установил, что она приняла почти тридцать таблеток снотворного в придачу к огромной дозе бухла. На следующий день приехал ее муж, какой-то су-пер-пупер-законник из Нью-Йорка. И устроил нашему приятелю Уллману нервотрепку по высшему разряду. «Я вас засужу за то, я подам на вас в суд за это, а когда я закончу, вы так обделаетесь, что во всем Колорадо не найдете пары чистых подштанников». Но только Уллман, мать его, тоже не так-то прост. Быстро сумел привести его в чувство и успокоить. Думаю, он спросил у этого прохвоста: «Как вам понравится, если грязное белье вашей женушки начнут полоскать во всех нью-йоркских газетах?» Заголовки типа «Супруга известного Как-Вас-Там-Величать покончила с собой, наглотавшись таблеток». И рассказ о том, как она играла в популярную игру «Найди мою колбаску» с юнцом, который ей во внуки годился.

Полиция штата скоро нашла брошенный «порш» на задворках круглосуточной закусочной в Лайонсе, а Уллман надавил на нужные кнопки, чтобы машину вернули тому юристу. Потом они уже вместе взяли в оборот старину Арчера Хоутона — окружного судебного медика — и заставили изменить свои выводы на естественную смерть. Сердечный приступ, только и всего. Теперь Арчер рассекает на новеньком «крайслере». И я его не виню. Нужно ковать железо, пока горячо, особенно когда пенсия уже на носу.

Бандана снова появилась из кармана. Хрюкающий звук. Взгляд. И пестрый платок пропал.

— Но что же происходит потом, спросишь ты? Вообрази, всего неделю спустя эта тупая лоханка, горничная по имени Делорес Викери, убирая номер, в котором жили те двое, сначала подняла истошный крик, а потом завалилась в обморок как подкошенная. Придя в себя, она заявила, что видела в ванне голую мертвую женщину. «У нее лицо все посинело и распухло, а она смотрела на меня с усмешкой» — вот ее собственные слова. Понятно, что Уллман заплатил ей двухнедельное пособие и велел выметаться отсюда на все четыре стороны. А всего, по моим прикидкам, с тех пор как мой дед открыл этот отель в десятом году, здесь умерли человек этак сорок пять.

Он бросил на Джека лукавый взгляд.

— Хочешь знать, как большинство из них покинули этот мир? От инфарктов и инсультов, когда кувыркались в постели с дамочками, вот как. На курортах вроде этого такое случается* сплошь и рядом. Сюда часто приезжают старики, чтобы устроить типа последнюю гастроль. Видать, в горах легче вообразить, что тебе снова двадцать лет. Для кого-то все заканчивается печально. А далеко не все управляющие умели так лихо отваживать газетных писак, как это делает Уллман. Вот у «Овер-лука» и появилась известная репутация. Что было, то было. Хотя уверен, о «Билтморе» идет такая же слава, если расспросить нужных людей.

— Но привидений здесь все-таки нет?

— Джек, я проработал в этом отеле всю жизнь. А прежде сам играл здесь, когда мне было столько же лет, сколько твоему сынку на том фото из бумажника, что ты мне показывал. И ни разу не видел никаких призраков. Пойдем дальше. Мне еще нужно показать тебе сарай, где хранятся инструменты.

— Хорошо.

Когда Уотсон протянул руку, чтобы выключить свет, Джек заметил:

— Чего здесь в избытке, так это старых бумаг.

— Вот это точно. Тут все хранится, должно быть, уже лет тысячу. Газеты, квитанции разные, товарные накладные и еще черт знает что. Мой папаша в свое время разделялся с ними в два счета, пока мы пользовались

обычной дровяной печью, но теперь здесь полный бардак. Однажды я найму какого-нибудь парнишку, чтобы отвез весь хлам в Сайдуайндер и сжег. Если Уллман раскошелится. А я думаю, он даст на это денег, если я как следует припугну его крысами.

— Стало быть, крысы здесь все-таки водятся?

— Да. Должно быть, есть немного. Я запас ловушки и отраву, которую мистер Уллман просил тебя разбросать на чердаке и в подвале. Но потом тебе лучше присматривать за своим мальцом. Не приведи Господь, чтобы с ним что-то приключилось. Ты же не хочешь этого, верно?

— Не хочу, — ответил Джек. В устах Уотсона совет звучал несколько не обидно.

Они подошли к лестнице и задержались на секунду, чтобы Уотсон смог снова прочистить нос.

— В сарае ты найдешь все нужные тебе инструменты, да и ненужные тоже. И там есть гонт. Уллман сказал тебе об этом?

— Да, он хочет, чтобы я заменил часть кровли западного крыла.

— Этот толстый маленький хмырь бесплатно выжмет из тебя все соки, а весной еще будет ныть, что ты все сделал не так, вот увидишь. Я однажды ему это сказал прямо в лицо. Мне, говорю...

Уотсон стал подниматься первым, и продолжение его рассказа слилось в успокаивающий монотонный гул. Джек Торранс напоследок обернулся и посмотрел в непроницаемую, провонявшую тленом черноту, подумав, что если где-то могут водиться привидения, то здесь им самое место. И ему представился Грейди, запертый в мягком, но непреодолимом снежном плену, тихо сходящий с ума и совершающий свои жуткие убийства. Кричали ли они? Бедняга Грейди! Он наверняка ощущал, как с каждым днем снег давит все сильнее, пока наконец не понял, что для него весна не наступит уже никогда. Ему не нужно было приезжать сюда. И не следовало терять контроль над собой.

Но когда Джек двинулся вслед за Уотсоном, эти слова настигли его эхом погребального звона, а потом раздался сухой треск — словно сломался

грифель карандаша. Боже милостивый, как же ему хотелось пропустить сейчас хоть один стаканчик чего-нибудь покрепче! А еще лучше — сразу тысячу.

Глава 4

НА ТЕНЕВОЙ СТОРОНЕ

В четверть пятого Дэнни сдался и отправился наверх за печеньем и молоком. Он быстро расправился с едой, неотрывно глядя в окно, а потом подошел поцеловать маму, которая прилегла отдохнуть. Она предложила ему остаться дома и посмотреть «Утащу Сезам» — так время пролетит незаметнее, — но он решительно помотал головой и вернулся к своему посту на краю тротуара.

Начало шестого. Хотя у Дэнни не было часов, да он и не слишком умел определять по ним время, мальчик видел, как удлиняются тени, а лучи клонящегося все ниже солнца приобретают золотистый оттенок.

Он крутил в руках планер и мурлыкал себе под нос:

— Иди ко мне, Лу, прыг-скок... хотя мне все равно... иди ко мне, Лу... хотя мне все равно... я остался один, так иди ко мне, Лу... прыг-скок...

Эту песенку они распевали хором в детском саду «Джек и Джилл», который он посещал в Стовингтоне. В Боулдере он уже не ходил ни в какой детский сад, потому что папа не мог за него платить. Он знал, что папа с мамой переживали, тревожились, что ему совсем одиноко (а пуще всего, хотя они никогда не говорили об этом вслух, — что Дэнни винит их), хотя на самом деле ему не хотелось ходить даже в «Джек и Джилл». Там все было для малышей. Сам он еще не стал большим мальчиком, но и малышом себя не считал. Большие мальчики ходили в большую школу и ели горячее на обед. Первый класс. На будущий год. А нынешний получается ни то ни сё. Промежуточный между малышом и настоящим школьником. Но он ни о чем не жалел. Конечно, иногда он скучал по Скотту и Энди — особенно по Скотту, — но все было в порядке. Одному даже лучше дожидаться и посмотреть, что будет дальше.

Он очень многое понимал в поведении своих родителей, знал, что часто им не нравилась его излишняя проницательность, а еще чаще они попросту отказывались верить в его способности. Но однажды им придется поверить. Он готов подождать.

Хотя все же жаль, что они пока не верят ему по-настоящему, особенно в такие моменты, как сейчас, например. Вот мама лежит на своей кровати и чуть не плачет, до того волнуется за папу. Некоторые проблемы, тревожившие ее, были слишком серьезными, чтобы Дэнни мог в них разобраться, — что-то смутное по поводу безопасности и папиного **самоуверенности**, чувство вины и злость, а еще страх, что будет с ними всеми. Но две основные мысли, глодавшие ее сейчас, заключались в опасении, что у папы в горах сломалась машина (**тогда почему он до сих пор не позвонил домой?**) и что папа мог снова сорваться и приняться за Скверное Дело. Дэнни отлично знал, что это за Скверное Дело, с тех пор как ему все объяснил Скотти Аронсон, который был на шесть месяцев старше. Сам Скотти знал много, потому что его папа тоже занимался Скверным Дело. Однажды, как рассказывал Скотти, его папа ударил его маму прямо в глаз и сшиб с ног. В результате между папой и мамой Скотти из-за Скверного Дела случился РАЗВОД, и когда Дэнни с ним познакомился, Скотти жил с одной мамой, а с папой виделся только по выходным. С тех пор самым страшным в жизни Дэнни стал РАЗВОД — слово, которое мысленно рисовалось ему написанным крупными красными буквами, каждую из которых обвивали шипящие ядовитые змеи. При РАЗВОДЕ твои родители больше не живут вместе. Они обращаются по поводу тебя к судье (Дэнни слышал только о спортивных судьях, но поскольку его папа с мамой в Стовингтоне играли и в теннис, и в бадминтон, и всякий раз на вышке непременно сидел судья, он точно не знал, о котором из них речь). Почему-то только этот судья мог решить, с кем ты останешься жить, и тогда своего другого родителя ты почти совсем не видел. А потом, если ему вдруг приспичит, тот родитель, с которым ты жил, мог привести в дом нового мужа или жену, совершенно незнакомого человека. Но страшнее всего в РАЗВОДЕ было для Дэнни то, что он явственно ощущал, как это слово — или понятие — крутится в головах его родителей. Иногда расплывчато и неопределенно, а иногда пугающе четко и даже ослепительно, как проблеск молнии. Именно так обстояло дело после того, как папа наказал его за беспорядок в своем кабинете, и доктору даже пришлось наложить ему на руку гипс. Воспоминание об обиде и боли давно померкло, но память о слове РАЗВОД оставалась устрашающе отчетливой. Тогда оно читалось в

основном в голове у мамы, и Дэнни какое-то время жил в постоянном ужасе ожидания, что она выловит это слово из своего мозга, вытащит через рот и сделает чем-то совершенно реальным. РАЗВОД. Это слово постоянно присутствовало в мыслях обоих родителей и было одним из немногих, что Дэнни улавливал без малейшего труда, как ритм немудреной мелодии. Но как и всякий ритм, центральная мысль становилась лишь основой для более сложных вариаций, в которых он путался, ничего не понимая вообще. В этих хитросплетениях ему удавалось улавливать по большей части только цветовые гаммы и различия в настроениях. У мамы РАЗВОД обрастал размышлениями о том, что папа сделал с его рукой, и о случае в Сто-вингтоне, когда папа потерял работу. О том парнишке. О Джордже Хэтфилде, который разобиделся на папу и наделал дырок в колесах их «жука». Мысли отца о РАЗВОДЕ читались намного хуже. Они были окрашены в темно-фиолетовый цвет с пугающими вкраплениями совершенно черного. Порой у него мелькала мысль, что жене и сыну станет только легче, если он уйдет. И тогда перестанет быть так больно ему самому. А папе было больно почти все время, и его влекло к себе Скверное Дело. Это Дэнни тоже улавливал без труда: папино чуть ли не постоянное желание отправиться в одно темное место, чтобы смотреть цветной телевизор, есть жареный арахис из миски и предаваться СкверномуДелудотехпор, пока у него совершенно не онемеют мозги и черные мысли не перестанут терзать его.

Но сегодня у мамы не было причин волноваться, и оставалось только пожалеть, что нельзя пойти и успокоить ее. «Жук» не сломался. Папа не свернул с дороги, чтобы заняться Скверным Дело. Он уже почти добрался до дома, и «жук» пыхтит сейчас по шоссе между Лайонсом и Боулдером. В этот момент папа даже не думает о Скверном Деле. Он думает о... Думает о...

Дэнни украдкой бросил взгляд себе за спину на окно кухни. Иногда, если он сосредотачивал чересчур много внимания на какой-то мысли, с ним происходило нечто необъяснимое. Окружавшие его вещи — реальные вещи — исчезали, и он видел то, чего на самом деле не было. Однажды, вскоре после того, как ему на руку наложили гипс, это случилось прямо за столом во время ужина. Родители тогда не слишком охотно разговаривали друг с другом. Зато они много думали. О да! Мысли о РАЗВОДЕ повисли над кухонным столом подобно темной грозовой туче, готовой в любой момент обрушиться дождем на их головы. Дэнни чувствовал себя от этого так

плохо, что не мог есть. Его даже подташнивало, когда он пытался заставить себя взяться за еду под гнетом черного слова РАЗВОД. А поскольку это показалось ему очень важным, он полностью сфокусировался, и с ним снова случилось странное. Очнулся он, лежа на полу, с размазанными по брюкам бобами и картофельным пюре. Мама обнимала его и плакала, а отец говорил по телефону. И хотя Дэнни сам испугался, он все же попытался объяснить им, что ничего страшного не произошло, что так с ним бывало и раньше, когда он силился понять вещи, недоступные пока его уму. Попытался рассказать им о Тони, которого они прозвали его «невидимым дружкой».

Папа говорил в трубку: «У него была Га-Лу-Цы-Нация. По-моему, он пришел в себя, но я все равно хочу, чтобы его осмотрел врач».

Когда доктор уехал, мама заставила Дэнни пообещать, что больше он этого делать не будет, **никогда** не станет их так пугать, и ему пришлось согласиться. Он и сам перепугался до жути. Потому что стоило ему внутренне сконцентрироваться, какой проник в мысли отца и всего лишь на мгновение — пока не появился Тони (как всегда, окликнувший приятеля откуда-то издалека), пока странные видения не затуманили обстановку кухни и стоявшее на столе синее блюдо с жареным мясом, — на мгновение окунулся в темноту отцовского сознания и увидел непонятное слово, гораздо более страшное, чем РАЗВОД. И это было слово СУИЦИД. Позже Дэнни никогда больше не ощущал присутствия этого слова в мыслях папы и, уж конечно, не делал попыток намеренно разыскать его там. Он даже не хотел выяснять, что оно значит.

А вот концентрировать внимание ему по-прежнему нравилось, потому что тогда к нему мог прийти Тони. Хотя необязательно. Бывало, что окружающий мир лишь на минутку начинал выглядеть размытым, расплывался перед глазами, но потом все прояснялось. Так, кстати, получалось чаще всего. Но иной раз где-то на границе видения вдруг возникал Тони, оклика и маня за собой...

С тех пор как они переехали в Боулдер, это случилось дважды, и ему запомнилось, как приятно он был удивлен, поняв, что Тони проделал с ними весь долгий путь из Вермонта. Значит, он потерял не всех друзей, как думал прежде.

В первый раз он был на заднем дворе дома, и ничего особенного не произошло. Просто явился Тони, помахал рукой, а потом все окутала темнота, и через несколько минут Дэнни вернулся к реальности, запомнив лишь смутные фрагменты, как бывает с отрывочными снами. Зато во второй раз, пару недель назад, все получилось куда интереснее. Тонн снова манил его за собой, стоя совсем близко: **Дэнни... Иди посмотри...** Ему сначала показалось, что он поднимается, а потом он словно провалился в глубокую дыру, как Алиса в страну чудес. И вдруг очутился в подвале их многоквартирного дома, а Тони был рядом, указывал на стоявший в глубокой тени чемодан, в котором отец держал все свои самые важные бумаги и в первую очередь, конечно же, ПЬЕСУ.

— Видишь? — спросил Тони своим вечно далеким, но мелодичным голосом. — Он стоит под лестницей. Прямо под ступеньками. Грузчики поставили его... прямо... под лестницу.

Дэнни сделал шаг вперед, чтобы получше рассмотреть чудо-чемодан, но почувствовал, что снова падает. И действительно свалился с дворовых качелей, на которых все это время сидел. Причем со всей силы ударился о землю.

Спустя дня три или четыре папа вне себя от злости расхаживал по квартире, жалуясь маме, что перевернул вверх дном весь подвал, но своего чемодана так и не нашел. В ярости он грозился подать в суд на фирму, будь она трижды проклята, перевозившую их пожитки, которая наверняка потеряла чемодан где-то между Вермонтом и Колорадо. Как, скажите на милость, сможет он когда-нибудь закончить работу над ПЬЕСОЙ, если рукописи след простыл?

И тут вмешался Дэнни:

— Нет, папочка, все не так плохо. Твой чемодан стоит под лестницей. Грузчики поставили его прямо под ступеньки.

Джек окинул его странным взглядом и отправился вниз проверить. Чемодан действительно оказался в том месте, которое указал Тони. Тогда папа отвел сына в сторонку, посадил к себе на колени и строго спросил, кто впустил его в подвал. Уж не Том ли, который живет этажом выше? В подвале очень опасно, объяснил он. Поэтому домовладелец всегда держит его на замке.

Если кто-то оставил замок открытым, папе необходимо знать. Он, конечно, был рад найти свои записи и ПЬЕСУ, но даже это не стоило риска для Дэнни упасть с лестницы и сломать себе... сломать себе ногу. Дэнни ответил совершенно серьезно, что никогда не входил в подвал. Дверь туда действительно всегда заперта. Мама подтвердила. Дэнни ни разу не спускался вниз к черному ходу, сказала она, потому что там темно, сыро и полно пауков. И он никогда не врал.

— Тогда как же ты узнал, док? — поинтересовался папа.

— Тони мне показал.

Мать с отцом обменялись взглядами поверх его головы. Время от времени такое случалось и раньше. И поскольку это их пугало, они стремились как можно скорее забыть обо всем. Но он знал, что Тони их беспокоил, особенно маму, и старался проявлять осторожность, не концентрируя мысли таким образом, чтобы Тони мог появиться там, где она могла увидеть его. Однако сейчас она отдыхала. По крайней мере в кухне ее не было, и потому он позволил себе усиленно сосредоточиться и попытаться понять, о чем сейчас думает папа.

Дэнни сдвинул брови, а не слишком чистые руки стиснул в кулачки на коленях. Глаз он не закрывал — в этом не было необходимости, — но прищурил их до узких щелок и постарался вообразить себе голос папы, голос Джека; Голос Джона Дэниела Торранса, низкий и ровный, иногда взлетающий выше от удивления или становившийся басовитым, когда он сердился. Но ровный, если он думал. Думал... Думал о чем? Думал...

(думал)

Дэнни тихо вздохнул, и все его тело обмякло на бордюрном камне, словно каждый мускул вдруг отказался ему служить. При этом он находился в полном сознании; он видел улицу, парня и девушку, которые шли по тротуару на противоположной стороне, взявшись за руки, потому что были

(?влюблены?)

рады солнечному дню и самим себе в нем. Он видел, как ветер несет вдоль водосточного желоба осенние листья, похожие на желтые шляпки неправильной формы. Видел дом, мимо которого проходила парочка, и

заметил, что крыша его покрыта

**(дранкой, с ней не должно возникнуть проблем, если гидроизоляция
цела, да, тогда все будет о'кей, этот уотсон... Боже, вот это типаж, жаль,
в ПЬЕСЕ нет места, чтобы вставить его. но с этим надо осторожнее, а
то ты уже готов вывести в ней все чертово человечество, да, кстати, о
дранке, а гвозди-то у них есть? дьявол, совершенно забыл спросить об
этом, хотя их нетрудно добыть, в любом хозяйственном магазине
сайдуайндера. и еще осы. в это время года они устраивают себе гнезда,
наверное, лучше будет иметь при себе дымовую шашку от насекомых,
если я напорюсь на них, снимая слой старого гонта, новая дранка,
старая...)**

дранка. Вот, значит, о чем он думал. Он все-таки получил работу и
размышлял сейчас о крыше отеля и ее покрытии. Дэнни, разумеется, не
знал, кто такой Уотсон, но все остальное ему было совершенно ясно. Папа
наверняка найдет осиное гнездо. Он в этом не сомневался, как не
сомневался в том, что его зовут.

— Дэнни... Дэнни-и-и...

Он поднял взгляд и увидел Тони в дальнем конце улицы, рядом со знаком
«Стоп». Тони махал рукой. Дэнни, как всегда, ощутил прилив теплой
радости, но на этот раз он сопровождался неприятным уколом страха,
словно Тони пришел и принес за спиной какую-то черноту. Банку с осами,
которые, если их выпустить, глубоко запустят в тебя жала.

Однако он не мог не пойти.

Дэнни еще сильнее сгорбился на краю тротуара, его руки бессильно
соскользнули с коленей и повисли между ног. Подбородок упал на грудь. А
затем он почувствовал смутный и безболезненный толчок, когда какая-то
часть его поднялась и бегом устремилась вслед за Тони в туннель темноты.

— Дэнни-и-и...

И мрак пронзила волна ослепительной вихрящейся белизны. Раздался
кашляющий, ухающий звук, и искривленные, дико изломанные тени
постепенно стали елями, которые раскачивал завывавший в ночи буран.
Кружился в танце густой снег. Снег был повсюду.

— Слишком глубокий, — сказал Тони откуда-то из темноты, и в его голосе звучала такая тоска, что Дэнни стало по-настоящему страшно. — Слишком глубокий, чтобы выбраться.

Еще очертания. Чего-то огромного и прямоугольного. Покатая крыша. Белые пятна во мраке снежной бури. Множество окон. Длинное здание, покрытое дранкой. Некоторые участки зеленеют ярче, потому что они новее. Его папа постелил их. Прибил гвоздями из хозяйственного магазина в Сайдуайндере. Но теперь на новую дранку ложился снег. Он ложился на все.

Зеленый колдовской фонарь ожил и засветился перед входом, помигал и превратился в огромный оскаленный череп над двумя скрещенными костями.

— Отрава, — пояснил Тони из колышущейся темноты. — Яд.

Перед глазами замелькали другие вывески, выведенные в воздухе зелеными буквами или написанные на досках на шестах, торчавших под разными углами из сугробов. **КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. ОПАСНО! ОГОЛЕННЫЕ ПРОВОДА. ЭТОТ УЧАСТОК ПОДЛЕЖИТ КОНФИСКАЦИИ. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. ВНИМАНИЕ — КОНТАКТНЫЙ РЕЛЬС! НЕ ВЛЕЗАЙ — УБЬЕТ! НЕ ВХОДИТЬ. ПРОХОД ЗАКРЫТ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. В НАРУШИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.** Дэнни не мог их прочесть, но чувствовал их смысл, и страх стал медленно заполнять темные пустоты его тела, подобно болезнетворным коричневым спорам, которые способен погубить только солнечный свет.

Потом все померкло. Теперь он оказался в темной комнате, уставленной странной мебелью. Ветер швырял снег в оконное стекло, как пригоршни песка. У него пересохло во рту, глаза казались раскаленными камнями, сердце бешено колотилось в груди. Снаружи донесся громкий и гулкий звук, словно распахнули настежь какую-то ужасную громадную дверь. Шаги. На противоположной стене висело зеркало, и в его серебристой глубине появилось единственное полыхавшее зеленым пламенем слово: **РОМ.**

Комната вдруг пропала. Вместо нее появилась другая. Он узнал

(должен был узнать)

эту комнату. Опрокинутое кресло. Разбитое окно, сквозь которое внутрь набивался снег, уже намерзший на край ковра. Отдернутые шторы под кривым углом свисали со сломанного карниза. Приземистый шкафчик опрокинулся дверцами на пол.

Снова раздались громкие, гулкие, повторяющиеся, ритмичные, леденящие душу звуки. Разбилось стекло. Разрушающая сила приближалась. И хриплый голос, голос безумца, еще более страшный оттого, что казался таким знакомым: **Выходи! Выходи, ты, маленький говнюк! Я тебя проучу!** Хрясь! Хрясь! Хрясь! Раскалывается, разлетаясь в щепки, дерево. Яростный и довольный рев. РОМ. Все ближе.

Вихрь пронесся по комнате. Картины сорваны со стен. Проигрыватель, (мамин проигрыватель?)

перевернутый, валяется на полу. Ее пластинки — Григ, Гендель, «Битлз», Арт Гарфанкел, Бах, Лист — разбросаны повсюду. Они разбиты, и зазубренные треугольные осколки напоминают куски пирога. Столб света проникает из соседнего помещения. Это ванная. Жесткий белый свет и слово, то вспыхивающее, то гаснущее в зеркальной дверце туалетного шкафчика, как красный глаз, — РОМ, РОМ, РОМ...

— Нет, — шепчет он. — Нет! Тони, пожалуйста...

Ас белого фарфорового края ванны свисает рука. Свисает безжизненно. Тонкая струйка крови (РОМ) стекает со среднего пальца по безукоризненному ногтю и капает на кафельный пол...

Нет о нет о нет...

(умоляю тебя, Тони, ты пугаешь меня)

РОМ, РОМ, РОМ (останови это, Тони, прекрати)

Мир темнеет.

В воцарившейся черноте гремящие звуки делаются громче, а потом еще

громче, проникая повсюду, эхом отражаясь везде.

Теперь он распластался на полу в сумрачном коридоре, прижавшись к синей ковровой дорожке с беспорядочным переплетением черных силуэтов, вслушиваясь в приближающийся гроыхающий шум, потому что Фигура уже свернула за угол и начала движение к нему, пошатываясь, источающая запахи крови и неизбежной смерти. В руке она держала деревянный молоток и размахивала им (РОМ) из стороны в сторону, описывая в воздухе зловещие полукруги и обрушивая его на шелковое покрытие стен, вышибая призрачные облачка штукатурки.

Иди сюда и получи по заслугам! Веди себя как мужчина!

Фигура приближалась — гигантская, вся пропахшая чем-то кисло-сладким; головка молотка с угрожающим шипящим шепотом рассекала воздух, а затем раздавался гулкий грохот, когда она врезалась в стену и выпускала из нее белую пыльцу, запах которой тоже явственно ощущался в воздухе. Маленькие красные глазки светились в полутьме. Чудовище уже нависло над ним, нашло его, вжавшегося спиной в голую стену. А люк в потолке был заперт.

Темнота. Перемещение.

— Тони, прошу, верни меня обратно. Тони, пожалуйста, пожалуйста...

И он **действительно** вернулся на край тротуара Арапахо-стрит. Его мокрая рубашка противно прилипла к спине, и все тело покрывал холодный пот. В ушах по-прежнему стоял оглушительный контрапункт гремящих и гулких звуков, а в нос теперь ударял запах мочи, потому что Дэнни невольно опорожнил мочевого пузыря. Ему все еще виделась рука, беспомощно свисавшая с края ванны, и кровь, медленно струившаяся по одному из пальцев — среднему, — и еще это необъяснимое слово, куда более страшное, чем остальные: РОМ.

Теперь сияло солнце. И все вокруг было реальным. За исключением Тони, стоявшего на углу в шести кварталах от Дэнни и казавшегося крохотной точкой, чей голос звучал тонко, высоко и ласково:

Будь осторожен, док...

В следующее мгновение он пропал, а из-за угла показался папин потрепанный красный «жук» и затарахтел по улице, покашливая голубоватым дымком выхлопных газов. Дэнни мгновенно вскочил с бордюра, принялся размахивать руками, пританцовывать и кричать:

— Папочка! Эй, папа! Привет! Привет!

Папа прижал «фольксваген» к тротуару, заглушил двигатель и открыл дверь. Дэнни бросился к нему, но потом застыл на месте, похолодев и широко распахнув глаза. Его сердце будто подскочило вверх и камнем застряло в горле. Рядом с отцом на пассажирском сиденье лежал деревянный молоток с короткой рукояткой, покрытый кровью с прилипшими прядями волос.

Но почти сразу он превратился в пакет из продуктового магазина.

— Дэнни! Что с тобой, док? Все хорошо?

— Да, со мной все в порядке.

Он подошел к отцу и зарылся лицом в подбитую овчиной джинсовую куртку, обнимая его крепко-крепко. Джек обнял сына в ответ, несколько удивленный.

— Эй, парень, да ты явно пересидел на жаре. Смотри, с тебя пот льет градом.

— Должно быть, меня сморило в сон. Я люблю тебя, папочка. Я так ждал тебя.

— Я тоже тебя люблю, Дэн. Вот, купил кое-что для дома. Как думаешь, ты уже достаточно большой, чтобы затащить это наверх?

— Конечно! Запросто!

— Док Торранс — самый сильный человек в мире, — объявил Джек и потрепал сына по голове, — у которого, правда, есть странная привычка засыпать прямо на улице.

Потом они вместе направились к двери, а мама спустилась, чтобы

встретить их. Дэнни стоял на второй ступеньке и смотрел, как родители целуются. Они были рады видеть друг друга. От них исходила такая же любовь, как от тех юноши и девушки, что прошли по улице, держась за руки. Дэнни тихо радовался.

Бумажный пакет с продуктами — всего-навсего пакет с продуктами — хрустел у него в руках. Все складывалось прекрасно. Папа приехал домой. Мама любила его. Ничего плохого случиться не могло. И не все, что показывал ему Тони, непременно сбывалось.

И тем не менее страх угнездился в его сердце глубоко и неистребимо. Дэнни пугало то загадочное слово, что отразилось в зеркале его души. '

Глава 5

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Джек припарковал «фольксваген» напротив аптеки в торговом центре «Тейбл мяса» и выключил зажигание. Снова задумался, не пора ли раскошелиться и заменить бензонасос, но в который раз убедил себя, что не может пойти на такой расход. Если маленькая машинка дотянет до ноября, ее так или иначе придется со всеми почестями отправить на покой. К ноябрю снег в горах ляжет выше крыши «жука»... Быть может, даже выше трех «жуков», поставленных друг на друга.

— Я хочу, чтобы ты подождал меня в машине, док. Куплю тебе шоколадный батончик.

— А почему мне нельзя с тобой?

— Я должен позвонить по телефону. Дело очень личное.

— Вот почему ты не стал звонить из дома?

— В самую точку.

Уэнди настояла на домашнем телефоне, хотя с деньгами было туговато. Она напирала на то, что, имея маленького ребенка, особенно такого, как Дэнни, подверженного периодическим обморокам, им никак не обойтись без связи. И мало того, что Джеку пришлось наскрести более тридцати долларов на установку, он еще и внес девяносто баксов залога, а это действительно стало ударом по семейному бюджету. И ведь до сих пор телефон не понадобился им ни разу. Лишь дважды кто-то ошибся номером.

— Тогда купи мне «Бейби Рут», ладно?

— Хорошо. Только сиди смирно и не играй с рычагом коробки передач,

договорились?

— Да. Я буду рассматривать карты.

Когда Джек вышел из машины, Дэнни открыл бардачок и достал пять помятых карт из тех, что бесплатно раздавали на автозаправочных станциях: Колорадо, Небраска, Юта, Вайоминг, Нью-Мексико. Ему нравились дорожные карты. Он любил водить пальцем вдоль обозначенных на них трасс. Лично для него пять новых карт стали самым приятным приобретением после их переезда на запад.

Джек зашел в аптеку, взял батончик для Дэнни, газету и октябрьский номер журнала «Райтерз дайджест». Протянул девушке за кассой пятерку и попросил дать сдачу двадцатипятицентовиками. Сжимая мелочь в кулаке, направился к будке телефона-автомата, стоявшей рядом с аппаратом для изготовления ключей, и зашел внутрь. Из будки, сквозь три стекла, он мог видеть сидевшего в «жуке» Дэнни. Голова мальчика склонилась к картам. Джека охватила волна почти безысходного чувства любви, от которой на его лице появилось каменномрачное выражение.

Вероятно, вполне можно было сделать этот обязательный благодарственный звонок Элу из дома; он уж точно не собирался говорить ничего такого, что покорило бы Уэнди. Но вмешалась его гордость. В этот период жизни он был склонен всегда прислушиваться к голосу собственной гордости, потому что, кроме жены и сына, шестисот долларов на чековой книжке и помятого «фольксвагена» шестьдесят восьмого года выпуска, гордость принадлежала к числу того немногого, чего он еще не лишился. Если разобраться, только она принадлежала ему одному, и никому больше. Даже банковский счет он делил с женой. Всего лишь год назад он преподавал водной из лучших школ во всей Новой Англии. У него были друзья — хотя их состав заметно поменялся с тех пор, как он «завязал», — остроумные люди, в основном такие же преподаватели, которых восхищали его нестандартная манера общения с классом и стремление стать настоящим писателем. Еще шесть месяцев назад дела шли очень хорошо. Внезапно у них появилось достаточно денег, чтобы начать понемногу откладывать впрок и завести сберегательный счет. Когда он выпивал, денег вечно не хватало, пусть в барах за него частенько расплачивался Эл Шокли. А теперь они с Уэнди даже начали робко обсуждать возможность подыскать себе жилье попросторнее и внести

примерно через год первый взнос. Пусть это будет старый фермерский дом, на ремонт которого потребуется шесть или семь лет. Разве это проблема? Они еще так молоды, черт возьми! У них полно времени.

А потом он потерял контроль над собой.

С Джорджем Хэтфилдом.

И запах надежды сменился запахом старой кожи в кабинете Кроммерта, где все напоминало сцену из его собственной пьесы: старые портреты прежних директоров Стовингтонской школы на стенах, гравюры, изображавшие школьное здание, каким оно было в 1879 году сразу после открытия и в 1895-м, когда дотация от Вандербильта позволила построить спортивный зал, до сих пор стоявший на западной стороне футбольного поля, приземистый, огромный и весь увитый плющом. Такой же сухой апрельский плющ потрескивал за узким окном Кроммерта, а в батареях отопления слышалось журчание горячей воды, навевавшее сон. Но это была не декорация и не спектакль. Это происходило в действительности. В его жизни. И как он только ухитрился так непростительно ее испохабить?

— Ситуация крайне серьезная, Джек. Ужасающе серьезная. Совет поручил мне довести до вас свое решение.

Совет попечителей хотел, чтобы Джек подал заявление по собственному желанию, и Джеку оставалось только согласиться. А ведь дотяни он до июня, с ним подписали бы бессрочный контракт.

То, что последовало за беседой с Кроммертом, стало самой черной, самой жуткой ночью в его жизни. Никогда прежде им не владело такое невероятное желание, такая **насущная необходимость** напиться. У него тряслись руки. Он опрокидывал все вокруг себя. Ему хотелось выместить гнев на Уэнди и Дэнни. Его охватило бешенство, как сорвавшегося с поводка злобного пса. И он поспешил сбежать из дома в страхе, что поднимет на них руку. Кончилось тем, что он долго околачивался перед входом в бар, и единственным, что помешало ему перешагнуть порог питейного заведения, стало отчетливое понимание, что в таком случае Уэнди решится уйти и заберет Дэнни. А их уход будет для него смертным приговором.

Вот почему он не вошел в бар, за витриной которого темные тени

наслаждались сладким вкусом забвения, а направился домой к Элу Шокли. Решение совета было принято шестью голосами против одного. И этим одним был Эл.

Сейчас он набрал номер телефонного оператора, и молодой женский голос сообщил, что за один доллар восемьдесят пять центов ему будет предоставлена возможность поговорить ровно три минуты с Элом, находившимся в двух тысячах миль от Джека. Время — штука относительная, детка, подумал он, скармливая в прорезь автомата один за другим восемь четвертаков. В трубке слышались смутные электронные хрипы и пiski, пока сигнал прокладывал себе путь на восток.

Отцом Эла был Артур Лонглей Шокли, сталелитейный магнат. В наследство своему единственному сыну Альберту он оставил немалое состояние, крупный портфель инвестиций, а также руководящие должности и кресла в разного рода советах директоров. В том числе в совете попечителей Стовингтонской средней школы, которой старик особенно любил делать благотворительные пожертвования. И Артур, и Альберт Шокли были ее выпускниками, а Эл к тому же жил в Барре, то есть достаточно близко, чтобы ему не составляло труда принимать в делах школы живейшее участие. Несколько лет Эл даже на общественных началах тренировал теннисную команду Стовингтона.

Джеки Эл подружились совершенно естественно и далеко не случайно: на многочисленных школьных и преподавательских праздниках они всегда оказывались самыми пьяными. Шокли уже разъехался с женой, да и семейная жизнь Джека медленно катилась под откос, хотя он все еще любил Уэнди и вполне искренне (причем неоднократно) клялся, что изменится ради нее и малыша Дэнни.

Но вдвоем с Элом они по-прежнему частенько продолжали веселье после окончания вечеринок, перебираясь из бара в бар, пока не закрывался последний, а потом заезжали еще в какой-нибудь круглосуточный магазин, где брали ящик пива, которое выпивали прямо в машине, завернув в первый попавшийся темный проулок. Когда Джек нетвердой походкой входил в их арендованный дом, небо уже начинало заливаться предрассветной синевой. Уэнди и сын спали, внизу на диване, причем Дэдни всегда лежал у спинки, подсунув маленький кулачок под подбородок матери. Он смотрел на них, и волна презрения к самому себе наполняла его

горечью, какой он не испытывал от самой дикой смеси курева, пива и многочисленных мартини (или «марсиан», как любил говорить Эл). Именно в такие минуты он всерьез начинал подумывать о пистолете, веревке или опасной бритве.

Если загул случался среди недели, он успевал часа три поспать, а потом поднимался, одевался, принимал несколько таблеток экседрина и, все еще не вполне трезвый, отправлялся к девяти в школу, чтобы провести урок об американских поэтах. Доброе утро, детишки! Сегодня Красноглазое Чудо расскажет вам, как Лонгфелло потерял жену в огне большого пожара.

При этом он никогда не считал себя алкоголиком. В трубке начались длинные гудки. Плевать, что он часто пропускал занятия вообще или являлся на уроки небритым, покачиваясь от ночной пирушки с «марсианами». «Я — алкоголик? Да я могу остановиться в любой момент!» Ночи, которые они с Уэнди проводили в разных постелях? Ничего, как-нибудь образуется. Помятые бамперы? Ерунда, я вполне могу сесть за руль! Вот только он все чаще слышал, как жена тихо плачет в ванной. Стал ловить настороженные взгляды коллег на любом мероприятии, где присутствовал алкоголь, пусть даже легкое вино. Постепенно осознал, что о нем пошла известного рода молва. Что, сидя за пишущей машинкой дома, он больше не мог выдать ничего, кроме почти девственно чистых листов бумаги, которые летели в мусорную корзину. А ведь когда-то он был для Стовингтона подлинной находкой. Подающий надежды автор и, уж конечно, достаточно квалифицированный преподаватель, чтобы приобщать детей к таинствам литературного творчества. Он успел опубликовать две дюжины рассказов, работал над пьесой и уже чувствовал, как где-то в глубинах сознания начинает вызревать нечто похожее на большой роман. Но потом творческие идеи иссякли, а преподавание уже не казалось надежным способом заработать.

Все внезапно окончилось однажды ночью, менее чем через месяц после того, как Джек сломал руку своему сыну. Тот случай, как ему казалось, поставил жирный крест на его браке. Уэнди требовалось лишь собрать волю в кулак... Он догадывался, что если бы матушка Уэнди не была такой первостатейной стервой, жена села бы в автобус до Нью-1эмпшира, как только Дэнни бы поправился. И все бы закончилось.

И вот вскоре после полуночи Джек и Эл ехали по федеральному шоссе

номер 31 в сторону Барре. Эл сидел за рулем своего шикарного «ягуара», причем отчаянно лихачил, на поворотах бросал машину в занос, постоянно пересекая двойную разделительную полосу. Оба были в стельку пьяны: тем вечером «марсиане» высадились на Землю в больших количествах. В последний поворот перед мостом они вписались на скорости семьдесят миль в час, и на дороге вдруг возник подростковый велосипед, а потом раздался резкий протестующий визг и скрежет, когда при торможении резину начало буквально срывать с колес, но Джеку почему-то более всего запомнилось лицо Эла, сиявшее над рулем подобно полной бледной луне. Затем раздались звон и треск: успев сбросить скорость лишь до сорока, они врезались в велосипед, который взлетел, как изломанная раненая птица, ударив одним концом руля в лобовое стекло и перевернувшись в воздухе. Безопасное стекло перед выпученными глазами Джека покрылось сеткой трещин. Мгновением позже до них донесся последний громкий звук — это велосипед упал на асфальт позади машины. «Ягуар» чуть подбросило, когда он колесом переехал что-то лежавшее на дороге. Потом машину развернуло на сто восемьдесят градусов, потому что Эл все еще пытался выкручивать руль, а до Джека, словно издалека, донесся собственный загробный голос:

— Господи Иисусе, Эл! Мы сбили его. Я почувствовал это.

У него в ухе продолжали звучать долгие гудки. **Ну же, Эл.**

Пожалуйста, не отключайся. Дай мне сразу покончить с этим.

Элу удалось полностью остановить автомобиль, колеса которого дымились, в каких-то трех футах от опоры моста. Две шины спустили полностью. Зигзагообразный тормозной след на асфальте тянулся футов на сто тридцать. Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом бросились назад, в холодную темноту.

Велосипед был изуродован до неузнаваемости. Одно колесо отсутствовало, и, оглянувшись через плечо, Эл заметил его валяющимся посреди шоссе, причем несколько спиц торчали вверх, как оборванные струны рояля.

— Думаю, через это колесо мы и переехали, старина Джеки, — не слишком уверенно сказал он.

— Тогда где же парень?

— А ты **видел** парня?

Джек нахмурился. Все произошло так быстро. Выезд из-за поворота. Велосипед, мелькнувший вдруг в свете фар. Громкий нечленораздельный крик Эла. А потом столкновение и долгое скольжение в заносе.

Они оттащили обломки велосипеда на обочину. Эл вернулся к «ягуару» и включил мигающий сигнал аварийной остановки. А затем они провели не менее двух часов, прочесывая местность по обе стороны шоссе с помощью яркого фонарика, работавшего от четырех батареек. Ничего. Несмотря на поздний час, несколько машин проехали мимо стоявшего поперек дороги «ягуара» и двух мужчин, рыскавших в темноте с дрожащим лучом фонаря. Но никто не остановился. Позже Джеку пришло в голову, что, должно быть, само Провидение снизошло до того, чтобы дать им последний в жизни шанс, и не позволило приехать полиции, удержав случайных свидетелей от попыток вызывать копов.

Только в четверть третьего они вернулись к «ягуару», совершенно протрезвевшие, но все еще трясущиеся от пережитого страха.

— Если на нем никто не ехал, то что он делал посреди до-рот? — недоумевал Эл. — Он же не стоял на обочине, а торчал точно на треклятой разделительной линии!

В ответ Джек мог только недоуменно покачать головой.

— Вызываемый абонент не отвечает, — сообщил голос оператора. — Желаете продолжить вызов?

— Попробуйте еще немного, если нетрудно.

— Хорошо, сэр, — покорно отозвалась девушка.

Давай же, Эл/

Эл поднялся на мост и там поймал попутку до ближайшего телефона-автомата, откуда позвонил приятелю-холостяку и пообещал пятьдесят долларов, если тот достанет из гаража зимние колеса «ягуара» и привезет к мосту на шоссе 31 в районе Барре. Приятель прикатил через двадцать минут в джинсах и пижамной куртке. Огляделся.

— Задавили кого-нибудь? — деловито спросил он.

Эл уже поставил домкрат и поднимал заднюю часть своей машины, а Джек откручивал гайки.

— Хвала Всевышнему, обошлось, — ответил Эл.

— Все равно мне лучше побыстрее убраться отсюда. Расплатишься со мной утром.

— Годится, — отозвался Эл, даже не обернувшись.

Вдвоем они без особых затруднений поменяли колеса и добрались до дома Эла Шокли. Загнав автомобиль в гараж, хозяин заглушил двигатель.

В наступившей тишине он сказал:

— Ты как знаешь, а я бросаю пить, Джеки. Пора ставить точку. Я прикончил сегодня своего последнего «марсианина».

И сейчас, потя в душной телефонной будке, Джек вдруг понял, что с самого начала нисколько не сомневался в способности Эла сдержать слово. В ту ночь он поехал к себе домой, включив радиоприемник в «фольксвагене» на всю катушку, и какая-то дискогруппа повторяла один и тот же навязчивый припев, который, вероятно, при других обстоятельствах мог бы приободрить человека: **Делай то, что хочешь, и на все плевать... Просто сделай это, и на все плевать... Если очень хочешь...** Но как бы громко ни орала музыка, Джек слышал лишь визг шин и грохот удара. А стоило на секунду прикрыть глаза, и перед ними вставало раздавленное велосипедное колесо с торчавшими к небу спицами.

Когда он вошел, Уэнди спала на диване в гостиной. Заглянул в комнату Дэнни и увидел в кровати сына, крепко спавшего на спине, с рукой, все еще закованной в гипс. В мягком сиянии уличного фонаря, проникавшем через окно, Джек мог разглядеть темные штрихи на белом гипсе, где все доктора и медсестры детского отделения больницы оставили свои автографы.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)